

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЕГ САВОЩИК

ЭТАЖИ

Сирена вопит. Грядёт Самосбор...

Олег СавошиК

Этажи

«Автор»

2023

Савощик О.

Этажи / О. Савощик — «Автор», 2023

Сколько ни иди наверх — бетонные блоки. Сколько ни спускайся — этажи. Когда приходит Самосбор, сирены начинают оглушительно выть, а воздух наполняет запах сырого мяса. Спасти можно лишь за гермодверьми. Любую угрозу проникновения устранить — таково предписание Партии. Отряды ликвидаторов без жалости и сострадания борются с последствиями Самосбора, мирясь с любыми жертвами. Ведь одна лишь капля аномальной слизи несёт погибель всему живому. Где-то далеко внизу есть подвал, который многие считают мифом. Когда на одном из этажей рвётся лифтовой трос и кабина с детьми уходит вниз, жильцам настрого запрещается что-либо делать. Но даже в мире железных законов и бетонных стен, в мире, где при неверном слове за тобой могут прийти, находится нарушитель, готовый поставить на кон всё ради "благой" цели.

© Савощик О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. Обрыв	5
I	5
II	11
III	14
IV	17
V	23
Часть 2. Слуга народа	31
I	31
II	35
III	38
IV	45
V	52
Часть 3. Оператор	53
I	53
II	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Олег Савощик

Этажи

Часть 1. Обрыв

I

Стрелки показали начало двадцатого. Меньше трех часов до отбоя. Почти одиннадцать до новой смены. Потом личное время и снова отбой.

Восемь часов работы. Восемь часов бытовых забот. Восемь часов сна.

Вчера Самосбор забрал парнишку из сборочного цеха. Значит, к моей выработке накинута еще. Естественно, без доплаты.

Десять часов работы. Семь часов бытовухи. Семь на сон.

Глухой удар из глубины перекрытий заставил отвлечься от проклятого циферблата, в котором сосредоточилась вся моя жизнь. Я посмотрел сквозь заляпанное стекло единственного в блоке окна.

Работа, скука, сон. Иногда вой сирен и щелчки гермозатворов.

Повторить.

Я не жалуясь, все так живут. Но иногда просто хочется посидеть у окна, покурить, даже если по ту сторону лишь завешенная дымкой бетонная глухая стена в десятке метров напротив.

Затушив бычок о треснувший край подоконника, задумчиво покрутил в руке новую пачку. Шершавый, приятный на ощупь картон еще не успел помяться в кармане и словно намекал: одной папиросы в такие моменты мало. Но пачка последняя, а ежемесячных талонов на курево ждать четыре дня.

Опять придется стрелять у мужиков или искать барыгу через Гнилонет.

Махнув рукой на эту мысль, я снова чиркнул спичкой.

– Ты коммунистом был? – Мужчина, стоявший на коленях неподалеку, достал голову из мусоропровода и повернулся ко мне. – А? Был?

– Я и сейчас коммунист, – бросил я.

Конечно коммунист, будто у меня есть выбор! А за другие речи можно и пулю от ликвидатора схватить.

– Во! Я и говорю – иные сюда не попадают! Все верили и строили этово, как его? Будущее светлое, равное для каждого. А вон чего понастроили. И сюда попали. Бесконечная хрущевка, где у всех поровну и жизни, и смерти. Ад это, говорю тебе, ад для всякого коммуняка.

Мужик закончил тарабарщину и снова засунул бритую макушку в люк мусоропровода.

Что он там делает, я не знал и, по правде, знать не хотел. Лёлик – очередной безумец, проигравший разум в стенах Гигахруща. Работа, сон. Оставшееся время мы либо забиваем рутиной – от хлопот по дому до бессмысленного просмотра передач по ящику – либо задаем вопросы без ответов. Пока наше здравомыслие не сойдет с рельсов, утратив последнюю связь с реальностью.

Если Самосбор не опередит.

В коридоре послышались торопливые шаги. Я хорошо изучил этот путь, как и всякий, кто хочет успеть к гермозатвору жилой ячейки вовремя. Сорок метров по обшарпанному полу, дверь на лестницу, два проема вверх, еще тридцать метров. Меньше трех минут на все; если не мешкать во время тревоги – останешься жив.

– Так и думал, что найду тебя здесь. – Дима даже не запыхался. – Серег, у нас ЧП.

Я протянул ему тлеющую папиросу, как раз на одну затяжку осталось. Пускай дым в его легких отсрочит новость хоть на мгновение. Почему я должен знать это сейчас? Не хочу.

Нет сирены, значит, ЧП подождет еще секунду.

– Лифт оборвался.

Вот это действительно хреново. Старые механизмы часто ломались, кабины застревали, а ремонтников порой приходилось ждать неделями. Но обрыв... Починка может затянуться от нескольких месяцев до бесконечности.

С неисправным лифтом плохо, без него еще хуже: следующий только на семнадцатом, а значит, одиннадцать этажей придется топтать пешком. Каждый день.

Но лицо брата казалось серее обычного, и стало понятно – он не договорил.

– Кто там был? – чувствуя мерзкий холодок за ребрами, спросил я.

***

Из полуоткрытой двери нашей комнаты доносился приглушенный плач:

– Что я мужу скажу? Он в две смены работает, только бы я могла за детьми смотреть. А я... не досмотрела!

– Ну тише, тише, девочка моя.

– Ведь запрещала подходить к лифту без взрослых!

Решил не мешать им. В потертый халат тети Полины хоть раз да заходила поплакаться каждая женщина нашего этажа. Тетя не откажет, всегда найдет слова, подставит плечо.

Славка и Катя, брат с сестрой, единственные, чей смех слышался в этих стенах. Еще вчера я выходил прикрикнуть на ребят за то, что лупили резиновым мячом в гермодверь нашей квартиры. Какого черта они делали в кабине? Игры играми, но страшилки о несчастных, которые застряли между этажами во время Самосбора, здесь всякий учит с детства.

На кухне Вова ковырялся серыми от пепла пальцами в банке с бычками.

– О! Мужики! Угостите дядю папироской. – Он вытер руку о свою неизменную тельняшку.

– Пошел в жопу, Вовчик, – огрызнулся Дима.

– Ты че, сука? Ты как с ветераном разговариваешь? Я воевал! – Тельняшка вскочил, чуть пошатываясь.

Как сюда занесло бывшего ликвидатора с верхних этажей, никто толком не знал. Сам он предпочитал отмалчиваться, а мы не лезли с расспросами. Одни приходят, словно ниоткуда, другие пропадают. Дело привычное.

О прошлом Вовы можно догадываться лишь по химическому ожогу: левая часть лица и шеи превратилась в безобразное месиво застывшей, будто кровь на морозе, плоти. Еще по железяке вместо руки.

– Опять нажрался. – Дима скривился. – Я видел утром Ирку, у нее весь нос распух. Когда ты уже человеком станешь, падла?

– Можно подумать, кто-то здесь остался человеком. Папиросу зажали, – буркнул Вова, усаживаясь на место. Расшатанная табуретка жалобно скрипнула под его задом в дырявых трениках. – Сами вы в жопу идите, щенки. Пиструн еще не вырос так с дядей разговаривать.

Вовчик мог бы поломать нас с Димкой одной, что говорится, левой. Лично видел, как его протез гнет пятисантиметровые трубы, словно картонные. Но сейчас барыга, видимо, опять запоздал с новой батареей, и железяка бесцельно болталась лишним грузом.

– Вы уже позвонили? – спросил я Диму, решив больше не обращать внимания на тельняшку.

– Конечно. Ответ как обычно: бригада будет в течение пяти дней.

– Уверен, что обрыв?

– Сам слышал. Скрежет страшный и этот грохот издали, в самом низу... такое запомнишь. Я со смены возвращался, а мать их рядом была, мусор выносила. Она тоже слышала.

В прихожей стукнул гермозатвор.

Алина разулась на ходу, привычно разбросав по углам обувь, прошла на кухню и уселась на свободную табуретку рядом с хмурым Вовой. Вытянула ноги в драных колготках.

– У-у-у, наконец-то. Как же болят, – выдохнула она. – Опять лифт стал?

– Оборвался. – Я покачал головой.

– Ого! Зараза, теперь до семнадцатого пешком топать.

Она работала на семидесятом; чтобы добраться до фабрики, ей приходилось делать на одну пересадку больше, чем мне. Немудрено, что наши первые мысли совпали.

– Лин, там были дети. Славик с Катькой.

– Это плохо, – сказала спустя секундное молчание. – Вы пожрать не грели?

Я всмотрелся в ее лицо, бледное и неподвижное. Большие глаза скрывали за голубизной холодную глубину, темнее шахты лифта. Нет, я не ждал дрогнувших губ, тем более не ждал слез. На этажах редко увидишь сострадание.

Но все-таки что-то неправильное в самом вопросе царапнуло нерв. Почему, Алина? Ты ведь младше меня, ты видела меньше боли, меньше смерти, неужели все, что ты можешь спросить, – разогрет ли твой сраный паек?

– Ай, ладно. – Девушка встала и прошлепала босиком к холодильнику. Достала тюбик биоконцентра. – Так поем. Когда их, кстати, будут доставать?

– Мы не знаем, назвали дежурные пять дней.

– А как они там столько просидят, не сказали? – Алина откупорила тюбик, выдавила немного смеси в рот и вернулась на табуретку.

– Лин... – Дима подбирал слова. – Если лифт сорвался с шестого этажа – а мы знаем, что там еще минимум один подземный... Падая с семи этажей, никто не выживет, Лина.

– Потому вы и дураки, что позвонили, – подал голос Вовчик. – Эту рухлядь все равно никто чинить не будет, за малыши тоже не полезут. О них вообще можно было промолчать, а мамаша продолжала бы получать усиленный паек за отпрысков...

– Ну ты и урод. – Алина оторвалась от тюбика.

Почему мы терпели сожителя нашей соседки, алкаша и дебошира? Вряд ли кто-то сможет ответить внятно. С одной стороны, чем меньше лезешь в дела соседей, тем дольше проживешь. С другой – шансы протянуть на этаже напрямую зависят от всех его жителей.

Ира пахала на двух работах, чтобы обеспечить хахаля, терпела побои, все глаза выплакала в объятиях Полины. А потом целовала Вовчика в небритую щеку и щебетала нараспев, какой он хороший. И глаза бы выцарапала, посмей кто донести о дерзком соседе чекистам.

К тому же, когда протез работал исправно, Вовчик мог быть полезным. Несмотря на пропитые мозги, он хорошо разбирался в технике, чинил всякое по мелочи, следил за исправностью гермодвери.

А собранный из говна и палок самогонный аппарат позволял выменивать у спекулянтов весьма полезные штуки для всего этажа. Правда, судя по запаху, дерьмо Вовчик использовал и как сырье для своей выпивки.

– Сама урод! – парировал тельняшка.

– Подождите. То есть вы думаете, они погибли? Но я слышала...

– Что? – Мы с братом переглянулись.

– Слышала писк... или плач. Из шахты. Сначала подумала, показалось. Потом решила, что слизь поет или датчики на Самосбор не сработали. Даже принохиваться начала.

– Уверена?

И прежде, чем девушка успела кивнуть в ответ, мы с Димой бросились к гермодвери.

***

– Слышишь что-нибудь?

Из шахты пахло сыростью и железом. Тусклое аварийное освещение выхватывало из тьмы обрывок троса.

Щелк – и заморгали оранжевые лампочки.

Щелк – и темнота вновь залила колодез.

Щелк...

– Ничего я не слышу. – Луч моего фонарика едва доставал до кабины в самом низу. Вроде целая, а не груда обломков. – Может, ей послышалось?

– А если нет, Серег? Если они выжили? Никто не приедет раньше...

Лифтер – профессия уважаемая. И редкая. Никто не знает точно, сколько шахт обслуживает одна бригада – десятки? сотни? И в каждой что-то ломается. Заявка на обрыв будет обрабатываться в штатном режиме. Если дети выжили, есть ли у них столько времени?

– Ау-у! Э-э-эй! Слышите меня? – рвал я горло, но получил лишь эхо в ответ.

Дима смотрел на меня. Старший брат, он ждал моего решения. Знал, всем остальным на этаже плевать. И хотел, чтобы я сказал первым.

Чего хотелось мне? Два часа до отбоя. Десять часов до новой смены. Мои ноги все еще гудят, я голодный, а Лина, скорее всего, сейчас тратит последнюю воду из дневного лимита, и спать придется ложиться невымытым.

Щелк – свет.

Щелк – тьма.

– Веревка в кладовой. Должна меня выдержать. Какая у нее длина? – Я чиркнул спичкой. Не время экономить на куреве.

– Метров двадцать, может чуть больше. – Глаза Димы и вправду загорелись или огонек моей папиросы отразился в его зрачках?

– Должно хватить. Но для подстраховки лучше лезть с четвертого.

Самосбор двухциклической давности – самый крупный на моей памяти. Тогда он длился больше двух суток и спустился с шестого этажа на первый. Еще пару дней ликвидаторы зачищали последствия. Но даже они не смогли справиться с тем, что осталось внизу. Лестничную клетку на трех этажах залили пенобетоном, а вот шахту лифта почему-то не стали трогать, лишь перенастроили управление кабиной, ограничив доступ к зоне отчуждения. Если там и оставались выжившие, об их судьбе можно только догадываться.

По возвращении Дима сразу же зарылся в кладовку – мир вещей, нужду в которых никогда невозможно предугадать: завтра или через тридцать циклов. Железные баночки со всевозможными гвоздями, шурупами, винтиками и гаечками соседствуют с разбросанными в случайном порядке молотками, плоскогубцами, отвертками, гаечными ключами всех видов и жестянками неизвестного назначения. А еще заляпаные тюбики с клеем, затвердевшие кисточки, лак и морилка... В углу даже стояли две рассохшиеся доски с загнутыми носами: старожилы называли это лыжами, но все позабыли, для чего они нужны.

– Чем вы там громыхаете? – поинтересовалась тетя из кухни, дымя самокруткой.

Я подошел к плите, сделал глоток прямо из чайника. Щелкнул засов ванной, и мимо прошмыгнула Алина в прилипающей ночнушке на мокрое тело. Я не успел ее рассмотреть, слишком быстро захлопнулась дверь комнаты. Интересно, осталась ли еще вода?

– Полин, ну дай хоть затынуться, – простонал Вовчик. Бывший ликвидатор сидел там же, где мы его оставили, и, казалось, дремал, прислонившись к пожелтевшим обоям.

– Что вы задумали? – Женщина проигнорировала тельняшку, внимательно смотрела на меня сквозь дым.

– Кабина выглядит целой. Дети могут быть еще живы. – Я допил едва теплую жидкость из носика. – Мы спустимся. Где их мать?

– Я дала ей своего лекарства, поспит на моей кровати, пока муж не придет. – В хриплом голосе Полины пропал даже намек на ту теплоту, с которой она утешала несчастную. – Вы слышали что-нибудь?

– Нет. Алина слышала.

– Ей могло показаться. Скажи на милость, как можно уцелеть при падении с такой высоты?

Я пожал плечами.

– Ловители, – сказал Вова, не открывая глаз. – Под кабиной есть такие штуки, называются ловители. Когда лифт падает, их зубья вгрызаются в направляющие. Все дело в тросе ограничителя скорости...

Вова уже собрался было показывать на пальцах единственной рабочей руки, но икнул и передумал.

– Ай, что объяснять тупицам.

– Не успели твои ловители. Мы видели кабину.

– Пацан, там у всех узлов срок службы двадцать пять циклов. То есть они изнашивались еще при твоей прабабке. Ясен пень, все фурычит через раз и через жопу. Поздно схватились, или зубья повырывало, или направляющая посыпалась, да что угодно. Я к тому веду: если не сработали как надо, не значит, что не сработали вообще.

– Не остановили, но послужили тормозом. Оттуда и грохот, – пробормотал я под нос.

– Угу. – Вова встал и поплелся в свою комнату, придерживая неработающий протез, чтобы тот не цеплялся за дверные косяки.

– Нашел! – С толстым мотком веревки на плече мимо тельняшки протиснулся Димка, сжимая фомку в руках; из кармана его мастерки торчала пара ватных перчаток.

– Сядь. – Полина смотрела на меня и обращалась ко мне, будто не ее родной сын нетерпеливо топтал линолеум рядом. – История твоего отца ничему тебя не научила?

– Может, и научила бы, расскажи ты мне ее полностью, – огрызнулся я. – Хоть раз.

– Тебе достаточно знать, как все закончилось. Он полез помогать, когда его об этом не просили. И погиб.

Точнее, его расстреляли ликвидаторы. Я невольно покосился на дверь Вовчика.

– Хочешь так же?

– Разве ты не тем же занимаешься, тетя? Помогаешь соседям.

– Помогаю. – Она затушила бычок. – Помогаю ласковым словом. Советом. Горькой настойкой, наконец. Но не лезу в чертову шахту! Ты понимаешь, что там мог оставить Самосбор? Понимаешь, что ниже четвертого этажа – вечный карантин? И что делают с теми...

– Мама, мы всё понимаем! И мы пойдем, – твердо перебил ее Дима. Я мысленно поблагодарил брата за шаг, которого она не ждала.

Женщина дернулась, поежилась, как на сквозняке, и тяжело опустилась на свободную табуретку. Достала из недр халата бутылочку с настойкой, капнула пару багровых, почти черных капель на язык. Мы воспользовались заминкой, чтобы уйти.

Я уже собирался захлопнуть за собой гермодверь, как нас окликнули:

– Эй, щеглы. Вы и вправду за малыши полезете? – Бритая Вовина башка высунулась из комнаты.

– Тебе какое дело?

– Ты пасть прикрой да сюда идите. Покажу чего.

Берлога тельняшки встретила нас запахом скисших портянок. Но даже тусклого свечения телевизора хватало, чтобы заметить порядок в комнате. Я похвалил Иру про себя: молодец, успевает и впахивать за двоих, и чистоту поддерживать.

– Вовчик, мы торопимся.

– Да щас, погоди ты. – Он встал на колени и вытащил из-под койки пыльный чемодан.

Щелкнули застёжки.

– Черт его знает, что там Самосбор оставил. Тебе сгодится.

Я развернул протянутый сверток.

– Халат химзащиты? Откуда? – вытаращился Дима.

Сосед промолчал. Такие носят только ликвидаторы да некоторые сотрудники НИИ. Редкая вещь. Дорогая. Вова, видимо, прихватил со службы.

– И что ты хочешь за него? – Я подозрительно покосился на бывшего вояку.

– Курить дай.

Я достал из пачки папиросу, положил себе в карман. Остальное протянул Вова. Выжидательно посмотрел на него – слишком уж неравноценный получался обмен.

Тельняшка встал и сразу прикурил. С удовольствием крякнул, сделав две большие затяжки подряд.

– Хочу еще, чтобы внизу вы головой думали.

– Слабо верится, что ты так о нас печешься, – прищурился Дима.

– А я не о вас, дураках. Слушай... – Вова серьезно посмотрел мне в лицо. На миг его взгляд показался даже трезвым. – Если что-то успело проникнуть в кабину... Присмотрись к детям прежде, чем тащить их сюда. Обрати внимание на любые странности. И проверь слюну.

– Слюну?

– Будет коричневый или черный оттенок, и завтра у малого слизь пойдет из всех отверстий. Послезавтра на этаже не останется выживших. Это относится ко всем странностям: сыпь, язвы, наросты на коже. Необычное поведение...

Я не стал уточнять, какое поведение считать обычным для напуганного, возможно раненого ребенка.

– Не спрашиваю, получится ли у вас их вытащить. Но очень интересно, хватит ли ума оставить.

– Пошел ты, Вовчик... – бросил Дима севшим голосом. Все понимали, тельняшка прав. И от правоты этой становилось тошно.

– Повидайте с мое, салаги, – огрызнулся Вова и сел на кушетку. Прикурил вторую от бычка. С минуту в комнате трещал лишь телевизор.

Минуты. Сколько их так утекает впустую, на сомнения и страхи, когда время действовать?

Я набросил плащ и осмотрел себя.

– Великоват как-то...

– Вот дурень! Затягивается же. Здесь и вот здесь. И тут еще. Во-от. Другое дело!

Плотная, легкая ткань почти не стесняла движения, хорошо прилегая к телу.

– Спасибо, – кивнул я.

– Это с возвратом, ты не думай! – Ударом ноги Вова отправил чемодан обратно под кровать. – И еще: будете трепаться, что это я вам дал, зенки выдавлю!

II

Щелк – свет.

Щелк – тьма.

«ЖИТЕЛЬ, ПОМНИ! САМОСТОЯТЕЛЬНО ВЫБИРАТЬСЯ В ШАХТУ ЛИФТА ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

Я успел забыть, когда и как эта листовка появилась в кабине. Но каждый раз по пути на работу непроизвольно вчитывался в поблекшие от времени буквы.

Щелк – вдох.

Щелк – выдох.

Воспоминания о спуске ограничились проклятым звуком ламп. Помню, как пришли на четвертый, как Димка вскрыл фомкой двери шахты. Как мы обвязались веревкой. Дальше – лишь высота и дыхание по щелчку. Остается только догадываться, сколько времени я судорожно цеплялся за торчащую из бетона арматуру, которую лишь безумный архитектор этого места мог назвать лестницей, пока брат медленно стравливал веревку руками в толстых рукавицах.

Дрожь постепенно покидала скрюченные пальцы, дыхание возвращалось в норму. Голову мгновенно засыпало вопросами. Разбираться решил по порядку:

– Где твоя сестра?

Слава вжался в стенку кабины, прямо под листовкой с предупреждением, и таранился на меня. Пыль, сопли и слезы смешались в грязные разводы на его бледном лице.

– Пацан, ну ты чего? Это же я!

– Дядя Сергей! – Вот и новая порция слез.

– Ну не хнычь. – Я подсел к мальчику. Он протянул ручонки, вжался в мой халат. – Ты как?

Тихие всхлипы в ответ. Я отстранился, чтобы рассмотреть его получше: коленки сбиты в кровь, на лбу ссадина, будет шишка. Больше ничего, кожа чистая, цвет глаз нормальный. Задрал тонкую рубашку, повернул, тоже чисто.

– Сильно болит?

Отрицательный кивок.

– Где Катя?

– Мы пошли посмотреть этаж. – Славка шмыгнул носом. – У нас быстро кончились спички. Я испугался и побежал обратно... а Катя... заблудилась.

Я заглянул в темноту проема. Уровень этажа оказался всего на двадцать сантиметров выше, чем кабина лифта. Похоже, ловители действительно отчасти сработали, затормозив падение.

– Как вы открыли двери?

– Не мы. – Мальчик пожал костлявыми плечами. – Сначала был грохот, потом нас подбросило, Катя подбородок разбила. А когда открыли глаза, двери уже так были.

– Ла-адно, – протянул я, собираясь с мыслями. – Вот как мы поступим. Я сейчас обвяжу тебя этой веревкой и посажу к люку, чтобы ты мог выбраться на крышу. Будешь ждать меня там, понятно? А сам пойду искать твою сестру. Если меня долго не будет, кричи наверх и лезь по лестнице. Там дядя Дима, он будет тянуть веревку, и ты не упадешь. Хорошо?

Слава кивнул. Когда я посадил его на крышу, несколько раз щелкнул фонариком, подавая брату сигнал через открытый люк: «всё в порядке, жди».

– Я скоро вернусь, Славка, слышишь? Потерпи еще чуток.

Тьма этажа дохнула на меня сыростью. Я постоял с минуту, принохиваясь в попытке различить характерные для Самосбора запахи, но не заметил ничего подозрительного. Луч

фонарика пробежался по низким потолкам и серым стенам. Бетонные кишки узких коридоров расходились от лифта в четыре стороны.

Я прошел в случайном направлении десять шагов. Снова развилка. Не похоже на жилой этаж, скорее на лабиринт с тесными каморками. Вернулся к перекрестку и пошел в другую сторону. Пока мне не встретилось ни слизи, ни других последствий Самосбора. Нашел наконец, что искал: обгоревшие спички станут моими хлебными крошками. Как дети сами до такого не додумались? Им больше не читают сказок?

Сначала до меня долетел звук глухих ударов: кто-то методично бил резиновым мячом об пол. Я даже представил, как скачет грязно-красный шар с двумя синими полосками. Слава и Катя постоянно таскали за собой эту самую популярную в Гигахруще игрушку. Странно только, что девочка решила поиграть сейчас, одна, в полной темноте.

За поворотом послышались тихие всхлипы, секундой позже переходящие в звонкий хохот, будто кто-то пытался плакать и смеяться одновременно. Я собрался было уже крикнуть, обозначить себя, позвать, но в горле предательски дрогнул ком. Дух этого места и так обдавал холодом между лопаток, еще и звуки... Шуметь расхотелось.

Я осторожно продвигался вглубь коридора, находя под ногами очередные угольки спичек, пока свет фонаря не коснулся сидевшей на корточках фигурки. Ее плечи едва заметно дрожали.

– Катя?

Девочка оторвала голову от коленок и прищурилась. Я направил луч фонаря в пол и подсел к ней.

– Ты как?

– Мне страшно, я хочу домой. – Тоненький голосок Кати подрагивал, но ее глаза оставались сухими.

– Это ты смеялась?

– Что?

– Я слышал смех.

– Не знаю.

Показалось?

Девочка отстранилась и заглянула мне в лицо, будто видела впервые.

– Кать, это я, Сергей. Ты чего?

– Забери меня.

– Сейчас пойдем. – Я бегло осмотрел ее. – Ничего не болит?

– Нет.

Похоже, ни царапины.

– Кать, плюнь, а? – запоздало припомнил я напутствие бывшего ликвидатора.

Она хлопала ресницами в непонимании.

– Просто плюнь на пол.

Девочка снова заканючила, вцепилась в мое плечо.

– Забери-и...

Ну и что с ней делать? Ругать? Лезть в рот? Самому хотелось убраться поскорее от бесконечных коридоров, затхлого воздуха и гребаного стука мяча. К свету и людям.

По телу прошла дрожь, застряла в поджилках. До меня дошло, что я не видел рядом с Катей игрушки. Но продолжал слышать в темноте.

– Кать, где твой мячик? – тихо, касаясь губами ее волос.

– Там. – Детский пальчик показывает на коридор.

– Кто здесь еще? – не слыша своего голоса, только ровное дыхание ребенка. И мяч.

Прыг-скок. Чуть ближе.

– Не знаю.

Прыг-скок. Еще ближе.

Свет фонаря тонул в бездне, коридор казался бесконечным.

Прыг.

Рывком закинул Катю на плечо.

Скок.

Еще рывок. До поворота. По сгоревшим спичкам, дальше, бегом!

Прыг-скок. Отчетливо, громче моего тяжелого дыхания.

Оранжевая вспышка впереди – аварийный сигнал шахты и наше спасение. Я успел забыть, что кабина ниже, влетел на полном ходу, едва не разбив головы себе и своей ноше.

Дима со Славкой кричали сверху. Оказалось, мальчик уже успел подняться самостоятельно. Детей легко напугать придуманными страшилками, но куда более очевидных опасностей, вроде большой высоты и расшатанной лестницы, они порой будто не замечают.

Лезть обратно оказалось проще, чем спускаться. Даже со вцепившейся в спину девчонкой, крепко привязанной ко мне веревкой. Хрупкое Катино тельце, почти невесомое на руках, к середине подъема отчетливо дало о себе знать. То ли тяжесть в мышцах и сильнейшая одышка отвлекали от пропасти за спиной, то ли засевший в ушах стук невидимого мяча гнал выше похлеще тревоги Самосбора.

На четвертом этаже стук остался – то была кровь мне по вискам. Как только Димка поднял нас и отвязал ребенка, я лег на месте, прямо на грязный пол. Прислушивался, как боль от спины и плеч растекается по всему телу.

Рядом сидел Слава, он больше не плакал. Обнимал сестру, покачивая. Катя не сопротивлялась, лишь молча оглядывалась по сторонам. Мальчик снова качнулся, из его кармана выпало, звякнув об пол, что-то металлическое.

– Это что такое? – Дима поднял жестяную банку, покрутил в руках. – Липкая какая. В солидоле, что ли?

– Мы внизу нашли, в комнате. Там таких до потолка! – Славка даже руки вверх вытянул.

Я приподнялся, чтобы лучше осмотреть находку. Этикетки не было, лишь выдавленная на металле надпись:

ГОСТ 5284-84/4

III

«ВСТУПАЙ В РЯДЫ ЛИКВИДАТОРОВ! БУДЕМ БОРОТЬСЯ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ САМОСБОРА ВМЕСТЕ!»

Человек в противогазе одной рукой держит рукоять огнемёта, другой прижимает к себе растрепанную девчущку. Никто никогда не видел людей, развешивающих плакаты, листовки, подбрасывающих буклеты. Равно как никто не знает их художников. Новые листы появляются регулярно, а старые не снимают, пока рисунок не выцветет настолько, что его уже нельзя будет прочесть. Или пока хулиганы не пустят на самокрутки.

Этот появился на лестничной клетке совсем недавно, и теперь каждый день мне придется встречаться с нарисованным бойцом Гигахруща. Образом защитника и палача.

Ноги гудели после рабочей смены. Впереди еще несколько часов перед ящиком, еда и сон, чтобы завтра все повторилось. Ход вещей, который ничем не изменить, даже след вчерашних событий померкнет в наших головах под гнетом рутины.

Мать спасенных сбивала колени о драный линолеум прихожей, пыталась поймать наши с Димкой руки, чтобы осыпать поцелуями. Отец минут пять ломал мне кости крепким рукопожатием, позже он занес блок папирос и пол-литра разведенного спирта, который выдают всем работникам реактора. Пить сложно, но всяко лучше, чем бодяга Вовчика.

Славка сказал, что, когда вырастет, хочет быть храбрым, как дядя Сергей. А мне, храбренцу такому, хотелось сбежать от всех на четвертый, к своему подоконнику. Припасть щекой к окну, выдавить лицом холодное стекло...

– Это что, тушенка? – Дима пялился на вскрытую ножом банку. Находку брат решил оставить себе, здраво рассудив, что странные жестянки детям ни к чему.

О тушенке мы слышали лишь в детстве из баек стариков, но мало кто верил, что она действительно существует.

– Это можно есть? – Я осторожно ковырнул рыжеватую массу. Желудок заурчал, поддакивая: нужно.

Четверо за одним столом: мы с братом, тетя и Алина; словно адепты тайного культа, слепые фанатики, жадно тянущиеся к лику своего божества, мы с той же жадностью вдыхали запах мяса, рассевшись вокруг открытой баночки. И, кажется, прошла вечность, прежде чем один из нас решился протянуть ложку.

Пока Ира отсыпалась после суток, а Вова дрых после очередной попойки, пока в квартире напротив счастливые родители укладывали спать вернувшихся детей, а весь этаж проверял надежность гермозатворов перед сном, мы смаковали каждый кусочек из такой маленькой для четверых баночки, пока на жести не осталось даже крошечной капли жира.

Вчера мы пили спирт и заедали тушенкой. И, готов поклясться, в глазах каждого читалось нечто большее закорневшей тоски.

...Этаж встретил запахом и шипением сварки. Я обогнул шахту лифта: на закрытых дверях висела табличка «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Подумал, что на остальных этажах, скорее всего, то же самое, и с содроганием погнал от себя мысль – табличка не остановит нечто, если оно захочет выбраться.

За углом сварщик в маске и рабочем комбинезоне приваривал железный щит к нашему АВП-11 – аппарату выдачи пайков. Неподалеку прислонился к стене шуплый мужичок с редкими волосами, зачесанными назад. На воротах его кожанки поблескивал значок со скрещенными молотом, серпом и штыком.

Сотрудника ЧКГХ – Чрезвычайного Комитета Гигахрущевки – желаешь встретить на своем этаже в последнюю очередь. Еще меньше – у себя на пороге. К счастью, в действительности мало кому доводилось увидеть чекиста, но, благодаря дурной славе, слышал о них каждый.

Взгляд мужчины из цепкого стал насмешливым, словно поддразнивая: «пройдешь мимо, трусливо уткнувшись в пол, или осмелишься спросить?».

– Что происходит? – решился я.

– Временная мера. – Тонкие губы незваного гостя растянулись в улыбке. – Этаж лишается доступа к продовольствию.

– По какой причине? – удалось выдавить с хрипом, во рту разом пересохло. – И насколько временная?

– Семисменки две, думаю, хватит. А вы, случайно, не из жилой ячейки сто сорок шесть, дробь четырнадцать ноль восемь? Дмитрий, верно?

– Сергей. Дима – мой брат.

– Ах да, верно! – Мужчина хлопнул себя по лбу. – Дима выше, шире в плечах, да и волосы его светлее. Родинка на шее... как я мог перепутать?

Он играл со мной, хотел продемонстрировать осведомленность.

– Единственная коммуналка на пятьдесят этажей, подумать только! Не тесновато? Соседи не беспокоят?

– Все хорошо, спасибо, – процедил я, не отводя взгляд. – Вы не ответили на второй вопрос.

От собственной наглости подгибались колени, но чекиста, кажется, она лишь забавляла.

– Причину вы сами знаете. Знаете ведь? Вижу, что догадались. – Он в один миг подобрался, и от его голоса потянуло холодком. – Были нарушены условия карантина. Кто-то спустился в шахту. Кстати, не поделитесь, кто бы это мог быть?

Я молчал и лишь задавался вопросом: как? Не то чтобы доносы считались редкостью, ради усиленного пайка люди порой готовы заложить даже членов семьи, но тяжело осознавать, что крысиные лапки скребут именно на твоём этаже.

– Не мучайте себя подозрениями. – Кожанка словно читал по моему лицу. – Их мать сегодня отвела детишек в медблок, проверить состояние. Там она очень убедительно врала, что не знает, как дети выбрались из шахты. Мальчик утверждает, что поднялся сам, девочка молчит. Но я нахожу это очень подозрительным. Итак, мне спросить снова?

В его руках блеснул портсигар.

– Понятия не имею. – Я пожал плечами. – Никого не видел.

– Спички не найдется? – спросил чекист с зажатой в зубах папиросой.

Я демонстративно похлопал себя по карманам, в штанах брякнул коробок.

– Нет.

Увидь Полина мои глупости, надавала бы по шее.

– Жаль. – Папироса вернулась в портсигар.

– Что сказали в медблоке? О детях.

– Первичный осмотр не выявил отклонений. Осталось дожидаться анализов. В интересах всего этажа, чтобы с ними все было в порядке.

– Но если с детьми все хорошо...

– Доподлинно мы этого не знаем. Последствия Самосбора могут проявляться по-разному.

– Но если будет все хорошо, то в чем проблема? Им нужна была помощь, работники не стали бы таким заниматься, ваши ликвидаторы тоже...

– Я все понимаю. – Он примирительно поднял руки. – Видите ли, с одной стороны, спасителей надо представить к награде. С другой стороны, за нарушения подобного рода ставят

к стенке. В любом случае данный инцидент не может остаться без внимания. Пока обойдемся средней мерой.

Он показал на заваренный АВП. Работник уже закончил, даже успел сложить инструмент, и теперь ждал окончания нашего разговора, оставаясь сидеть в маске.

Две недели. Четырнадцать суток паек можно будет получить только на обеденном часе в столовой. При трехразовом питании можно чувствовать себя сытым сутки. Двух порций едва хватает, чтобы восполнить силы. Как протянуть на одном тюбике рабочую смену и оставшийся день, я не представлял. Безработным придется еще хуже.

– На этаже восемнадцать человек, дети опять же. Почему наказывают всех?

– А то, дорогой товарищ, круговая порука. – Он подошел вплотную, похлопал меня по плечу. – Иногда, знаете ли, она мажет. Как копать.

Кожанка кивнул работнику и пошел к лестничной площадке.

– Если вдруг будут мысли, кто лазил в шахту, наберите сами знаете куда, – бросил он на ходу. – Спросите Олега Главко.

Оставшись один, я посмотрел на часы. Время ужина.

– Сука!

IV

– Заходят как-то коммунист, капиталист и социалист в рюмочную...

– Лёлик, помолчи, – резко оборвал Дима. – Дай подумать.

Мы курили на подоконнике четвертого этажа и старались не замечать дурачка, копошившегося в углу.

В чем разница между этим психом и теми, что отдают идиотские приказы? Один нюхает мусор, другой может расстрелять тебя за неповиновение. Мысли об отце снова захватили меня. Я почти ничего о нем не знал. Лишь то, что он погиб из-за очередного дурацкого приказа «сверху».

Интересно, насколько сверху? Сколько лифтов нужно сменить, о сколько лестничных проемов стоптать ноги, чтобы встретить их? Тех, кто отдает приказы ликвидаторам, чекистам, дружине... Есть ли там хоть кто-нибудь?

Одно я знал точно: однажды это место погубит не дефицит, голод и равнодушие. Не слезь и не жуткие твари из заброшенных коридоров. Даже не Самосбор. Это будут идиоты.

С братом мы бежали от суматохи, которая воцарилась на шестом.

– ...Шесть тюбиков биоконцентрата, кило сухарей, четыре сухих брикета. – Полина пересчитывала наши скромные запасы. – Если разделить на троих, минимальными порциями, хватит на четыре дня максимум. Что делать дальше, я не знаю.

Она замолчала, поставила точку. Помню, как смотрел на нее и ждал хоть слова. Обвинения в предстоящей голодовке? А может, мне хотелось услышать, что мы все сделали правильно, все не зря и того стоило? По лицу этой женщины никогда не возможно понять, гордится она тобой или упрекает. Полина молчала.

Дима сидел на краю табуретки, грыз губы и думал о чем-то своем.

– Нам авэпэшку заварили? – В квартиру влетела растрепанная Алина. – Что происходит-то, а?

Девушка, не разуваясь, бросилась к холодильнику, достала пару тюбиков биоконцентрата.

– Это все, что у меня есть. – Глаза ее остекленели. – И на работе аппарат сломан, через раз талоны зажевывает.

Казалось, Алина вот-вот расплачется, но уже спустя секунду подступающие к глазам слезы испарились от жара вспыхнувшего в зрачках злобного огонька.

– Сволочи! И кто такой этот Олег Главко, побери его Самосбор? – Она достала из кармана сложенный листок с призывом выдать нарушителей карантина. Оказалось, такие подбросили в каждый почтовый ящик на этаже.

Я кратко повторил рассказ о встрече с кожаной курткой. Алина скомкала бумажку и бросила в урну.

– В жопу пускай себе засунет. – Села на табуретку, привычно вытянула уставшие ноги. – Придется опять глазки Петру Семенычу строить. Это с работы моей мужик. Он хороший, запасливый. Подкармливает меня. И квартира у него просторная. Как жена его умерла, так он в ней один живет... Что?

Девушка осеклась, заметив наши взгляды.

– Я ему руки распускать не позволяю! Друзья мы. – И почему-то с вызовом посмотрела на меня.

– Чем тут так воняет? – опомнился Дима. – Вова, мать твою!

Из Ирининой комнаты в одних трусах вышел бывший ликвидатор, стрельнул у меня папиросу и застучал дверцами кухонных шкафчиков. Протез его продолжал болтаться бесполезной железякой.

– Отвратительно, – скривилась Алина от вида рваных семейников.

– Ага, – буркнул Вова, отыскав металлическую воронку. – У меня там бутылка на подходе. Десять литров! У барыг на жратву сменяю, так что мы с Иришкой протянем. А вы тут с голоду пухните, и даже не просите потом. Догеройствовались, мать вашу.

А затем из коридора послышалась первая ругань.

...Пока я пялился в окно, Димка закурил третью. Подумать только, это я подсадил старшего брата на махорку.

Мы думали об одном: на что пойдут люди в условиях дефицита. И дело даже не в Алине или Вова, я не брался их судить. Остальные тоже выкрутятся, приспособятся к тяжелым временам, как это обычно бывает: затянут потуже пояса, пойдут побираться или одалживать по другим этажам, у родственников или знакомых, будут выменивать пайки на последние сбережения у барыг с Гнилонета. Но найдутся те, кто плюнет на это и начнет искать виноватых. А после, преодолевая спазмы голода, потянется к телефонной трубке. С надеждой, что хотя бы им уж точно сделают поблажку.

Вот только поблажек не будет.

Сколько у нас времени, прежде чем терпение соседей кончится? Пара дней? Неделя? Уже сейчас, возвращаясь с работы, голодные и уставшие, они видят заваренный аппарат, и руки сжимают найденную в почте бумажку от Главко.

– Итак, кто еще, кроме наших, знает? – Я решил, что пора озвучить общие мысли.

Тетя отпала сразу. Вовчик с Ирой тоже вне подозрений, им не с руки связываться с чекистами. Мы до сих пор не знаем, насколько легально тельняшка проживает в этой квартире. Алина? За последние пять циклов нам вроде удалось поладить. Хотелось бы верить, что для нее это что-то да значит.

– Если только мелкие. Ну и родители их, конечно, – пожал плечами Дима.

Здесь сложнее. Как предсказать, во что может обернуться их вчерашняя благодарность, когда детей станет нечем кормить?

– Пока ты ждал с веревкой наверху, тебя кто-нибудь видел?

– Ну-у... Только этот ошивался. Он всегда здесь ошивается.

Мы посмотрели на Лёлика. Тот сосредоточенно ковырялся в носу, не обращая на нас внимания. Еще один ненадежный язык.

– Надо что-то делать. – Дима подвел черту. Сказал с такой уверенностью, будто уже знал, как нам достать еды на ближайшие две недели. В идеале для соседей тоже. Жующие рты меньше болтают.

АВП-11 стояли почти на каждом жилом уровне, но встроенный ограничитель не позволял использовать их по талонам с других этажей.

– Мужики на заводе болтали, что кому-то удавалось обойти ограничение по талонам. Может, наш однорукий ликвидатор знает больше?

– Сам в это веришь? – Дима усмехнулся. – И в то, что он станет нам помогать? Снова?

– Нет.

Четвертый и пятый отпадали сразу, с ограничителем они сами едва могут прокормиться. Забираться выше седьмого, туда, где никого не знаешь, слишком опасно, к тому же вызовет лишние подозрения.

– Седьмой? – предложил я без особого рвения.

Единственный этаж на моей памяти со сломанным аппаратом.

– Ага, и от Сидоровича пулю схватить. У него ж обрез!

В авэпэшке на седьмом можно было получить паек не только с талоном другого этажа, но и вообще с любым: просроченным, дефектным и даже, поговаривают, поддельным. Чем в свое время не постеснялись пользоваться все, кому не лень.

Пока один из местных, полоумный старик Сидорович, не прикрыл лавочку для всякого рода сомнительных личностей, которые, бывало, даже из других блоков приходили к чудомашине. Дед забаррикадировал этаж, пропуская лишь его жильцов, и с завидной точностью отстреливал остальных. Где он взял ствол, оставалось загадкой.

Димка встал с подоконника, прошелся вперед-назад, нервно вытирая ладони о штаны. Замер в нерешительности.

– Есть ведь еще вариант, правда?

Я ждал, пока брат разовьет мысль.

– Зачем нам бегать по этажам в поисках пары тюбиков безвкусного месива? Если внизу ждет куча таких баночек с тушенкой! Ты же слышал, что сказал Славик. До потолка!

Прыг.

– Нет, – отрезал я.

Скок.

– Но почему?

– Дима, ты совсем дурачок? Мы из-за этого и оказались в заднице. А ты хочешь попасться еще и на контрабанде, чтобы наверняка?

– А какой у нас выбор? Тараканов жарить? Рано или поздно все-равно кто-нибудь сдаст. Так хоть можно было бы жратвы на всех натаскать.

– Внизу опасно, Дима! – втолковывал я, как ребенку. – Один раз повезло, но это не значит, что фортанет дважды. Там... там точно что-то было.

Димка молчал, тревожно покусывая губы. Конечно, я рассказал ему то, о чем умолчал перед остальными. Всегда рассказывал. Доверял брату все свои страхи и обиды. Свою боль. Ему единственному было до них дело среди этого бетона и грязи.

Я рассказал и о звуке мяча, который будто гнался за нами по темным коридорам, и о том, что лифт упал ниже, чем мы думали. Никто из нас не подозревал о существовании минус второго этажа до вчерашнего дня. Даже в кабине кнопки с таким номером попросту не существовало. Подвал – так назвал Вовчик это место.

– Больше туда ни ногой, – твердо повторил я.

– Спустимся вместе.

– Ага. А на подстраховку кого поставишь? Лёлика?

– Да сдалась нам та веревка! – отмахнулся Дима. – По этой лестнице даже ребенок поднялся! Проще простого.

Я вспомнил шахту и поежился.

– Это очень, очень глупая...

– Да ты послушай! Выйдем после отбоя, так точно никто не заметит. Спустились, набрали тушенки по-быстрому – и обратно. Сами сыты и других накормим, а то и сменяем на что полезное, если останется. Заживем по-человечески!

Я подумал об Алене. О дрожащих руках, сжимающих последние тюбики биоконцентрата. О ребятах, которые вчера спаслись, а завтра будут голодать.

Потом перед глазами встала черная кожанка чекиста.

– А с тварью той... Ну, надо оружие достать.

– Оружие? – Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Как думаешь, удастся договориться с Сидоровичем?

– Дима, ты меня пугаешь.

Я пристально всмотрелся в брата. В его глазах вновь разгорелись угольки, и озорное пламя, казалось, плясало все безумнее с каждой новой идеей.

- Дядьку? Дядьку Сидора? – Лёлик вылез из своего угла.
- Ну да, мужик с седьмого. Знаешь его? – обернулся к умалишенному Дима.
- Как не знать? – кивнул Лёлик. – Он тоже коммунистом был, до того как сюда попал.

И дядькой моим, да.

Мы с братом переглянулись.

- Какой же он дядька тебе? – удивился Димка. – Вы же одногодки почти.

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– А можешь нас отвести с ним поболтать? Да так, чтобы он не пристрелил нас из ружья своего?

- А ты, часом, не шпиён? – прищурился Лёлик.

- Как можно, товарищ! – с напускной обидой воскликнул брат и широко улыбнулся. –

Ну так как?

- Тогда пошли. С нашим человеком поболтать – это оно правильно.

- Ну что? Решайся! – Дима потрепал меня по плечу.

Я снова вспомнил отца. И слова Полины отозвались эхом в голове: «Хочешь закончить, как он?».

Помотал головой.

– Ну и сиди тут, раз ты такой трус! – вспыхнул Дима. – Пялься в свое окно, вот только там ничего нет и не будет. Слышишь? Хоть глаза все высмотри, туда не сбежать. А я сам справлюсь.

Еще минуту я слушал удаляющиеся шаги в коридоре; снова чиркнул спичкой.

- Твою ж...

***

– Короче, товарищи. За вас племянш поручился, но в гуманитарную помощь я играть не буду.

Сидорович выглядывал через узкую бойницу импровизированной баррикады – беспорядочного нагромождения разобранных шкафов, драных кресел и прочей ломаной мебели. Заставленный рухлядью коридор не казался бы такой грозной крепостью без обреза в руках старика. Дуло продолжало смотреть между нами, и это напрягало.

– Первое: на этаж никого не пропущу, даже не просите. Голодовка – проблема шестого. А по теме вашей есть вариант. Хрен его знает, на кой ляд вам ствол сдался, но я в чужие дела не лезу. Чем расплачиваться будете?

- Жратвой! – выпалил Дима.

- Жратва у меня есть, в отличие от вас. – Сидорович усмехнулся в пожелтевшие усы.

– Я сейчас не про пайки говорю, а про кое-что совершенно другое. Сделаем дело и увидишь. Гарантирую, тебе понравится!

Хотелось пнуть разболтавшегося брата под ребра, но черные провалы ствола отбили желание дергаться.

– Допустим, – хмыкнул Сидорович спустя минутную паузу. – Это за патроны. Но за ствол хочу нечто более весомое.

- Да нам на время только.

- Тогда залог. Ценный, – не унимался дед.

- Как-то это капитализмом пахнет. Разве мы не должны делиться? – ляпнул Димка.

- Да я вам патроны готов под честное слово отдать, разве то не по-товарищески?

Я уже трижды проклял эту затею и этот разговор. Снял часы и протянул старику.

- Автоподзавод, корпус из нержавеющей стали, стекло сапфир – не поцарапашь. Воды не боятся.

Циферблат на двадцать четыре часа. Стрелки фосфорные.

– Ого, вещь! – У Сидоровича загорелись глаза. Он сразу примерил часы на руку. – А это что за стрелка?

– Таймер. Уже заведен на три минуты. Как слышишь сирены, нажимаешь кнопку и видишь, сколько у тебя осталось времени до Самосбора.

– Где надыбал такие?

Я промолчал. Единственная память об отце, представителе одной из самых редких в Гигахруще профессий часовщика. Часы, как единственный способ отделить рабочую смену от времени отбоя, всегда пользовались спросом.

– Это залог, – уточнил я твердо. – С возвратом.

Я ненавидел их как символ цикличности собственной жизни. Но представить себя без отцовских часов не мог.

– Ладно-ладно, – пробурчал Сидорович. – Вернете пушку, оплатите патроны, и получишь свой механизм обратно. Минуту обождите.

И скрылся среди заграждений.

– Лёлик, а ты тоже здесь живешь? – спросил Дима у нашего психа. Весь разговор тот молча отколупывал краску цвета засохших соплей от стены.

– Угу.

– Так а чего на четвертом тогда ошиваешься?

– Там их лучше слышно.

Я вспомнил, как Лёлик засовывал голову в мусоропровод. Сложно сказать, куда из него попадают отходы, никто об этом даже не задумывался.

– Кого? – спросил я тихо.

– Известно кого! Тех, кто живет внизу... Что-то бормочут неразборчиво. Но ничего, однажды мне удастся подслушать. Проклятые капиталисты!

– Тьфу на тебя! – Дима рассмеялся.

– Все еще хочешь туда лезть? – Я серьезно посмотрел на брата.

Конечно, я пошел за ним. Мы всё и всегда делали вместе. Огробали тоже. Дурак погубит себя, и, раз уж не получилось его отговорить, проще сгинуть за компанию, чем смотреть потом в глаза Полине.

Сидорович вернулся с еще одним обрезом и коробкой патронов.

– Старый ты черт, у тебя второй есть? Я думал, ты свой отдашь, – восхитился Дима.

– Держи карман шире! Пользоваться хоть умеете? Давай покажу.

... Славка разрисовывал пол на лестничной площадке кусочком мела.

– Почему ты играешь один? – поинтересовался я.

– Катка болеет, – отмахнулся мальчик. – Ой, а что у вас за пазухой?

– Ничего, малец. – Дима плотнее запахнул мастерку, скрывая обрез. – Болеет? А что с ней?

– Так мама говорит, я не знаю.

Я присел на корточки рядом.

– А Катя ничего не рассказывала после вчерашнего? Она видела внизу... кого-нибудь?

– Не, она вообще со мной не разговаривает. Лежит и пялится в одну точку.

Мы попросили нарисовать, где он нашел консервы. Оказалось, действительно недалеко, буквально два поворота от лифта до нужного помещения. Дима приободрился.

– Вы снова хотите спуститься? Дядя Сергей, возьмите меня с собой. Я больше не испугаюсь, честное слово! Я вам дорогу показывать буду.

– Спасибо, дружище, ты и так помог. А теперь для тебя еще одно задание. – Я придвинулся ближе и заговорщицки зашептал: – Защищай сестру, ты ей нужен. А еще – о нашем разговоре ни слова, даже маме с папой. Понял?

Мальчик кивнул трижды для убедительности.

– Это будет наш секрет, как у партизан. Знаешь, кто такие партизаны? Нет?

По правде говоря, я и сам не знал, слышал лишь обрывки баек, из тех, что рассказывают старики после кружки самогона. Из тех, в которых ничего не понятно и ничему не веришь.

– Вот вернется Серега и расскажет. – Дима потянул меня за руку. – Пойдем.

Мы дождались отбоя, гоняя кипяток на кухне. По очереди сыграли с Алиной в шашки, и даже выпили по чарке с расщедрившимся Вовчиком его отвратного пойла. Собираться стали быстро и тихо, понимая, что второй раз от Полины нам так просто не ускользнуть. К счастью, тетя вновь была занята утешением нашей соседки.

– ... я чувствую, понимаешь? Будто не моя больше дочь. Она не говорит со мной, ничего не кушает, не спит... Глаз не сомкнула, а ведь уже сутки прошли! Смотрит только, внимательно так, аж мурашки берут.

Обрывок разговора долетел из комнаты, пока я проверял вместимость наплечных мешков. Брала самые большие, чтобы за раз побольше унести.

– Ну ты сама подумай, какого страху там девочка натерпелась. – Тихий голос Полины, казалось, может обволакивать. – Сколько времени провела одна в темноте. Дай ей время. Вы сейчас очень нужны своей дочери. Вы с мужем и Славик. Будьте рядом и будьте терпеливы. Давай я тебе еще накапаю.

– Это не самое странное. – Голос женщины стал тише, пришлось дышать через раз, чтобы расслышать. – Помнишь платице ее, то, серенькое? Пару смен тому она прожгла в нем дыру спичкой, случайно уронила на подол. Я заштопать не успела. А теперь нет ее, дыры той. А я точно помню... Мне кажется, что с ума схожу.

Всю дорогу до четвертого этажа у меня не выходило из головы легкое платье, прикрывающее тощие коленки. «Сначала был грохот, потом нас подбросило, Катька даже подбородок разбила», – сказал Славка в лифте. Но я не помнил ни единой ссадины на лице девочки.

И лишь скрип открывающихся дверей шахты оторвал меня от странных мыслей. Аварийное освещение больше не работало, теперь в проеме нас ждала лишь тьма.

– Готов? – в притворной бравате Дима похлопал меня по спине.

Нет.

V

В первую очередь мы сделали то, о чем я не додумался в прошлый раз – включили свет. Бегло изучив тянущиеся по стенам кабели, Дима потянул меня за собой.

– Смотри. – Он показал на черную коробочку, спрятанную между вереницей проводов. Такие встречались через каждые пять-десять шагов. – Это датчики на Самосбор. Только на этажах их в стены прячут, а здесь решили не заморачиваться.

Рубильники обнаружили уже за первым поворотом. Но тусклое свечение ламп не сделало это место привлекательней, потолки бетонного лабиринта словно опустились еще ниже.

А вот полагаться на маршрут Славы было ошибкой. То ли света спичек оказалось недостаточно, то ли страх заставлял бежать, не разбирая дороги, но мальчик перепутал повороты.

Мы осторожно шли по бесконечным коридорам, стараясь не создавать лишнего шума. Осматривали каждое помещение, что встречалось по пути: в пустых проемах лежала только пыль. Когда мы нашли место с разбросанными на полу огарками спичек, я почувствовал, как натягиваются тяжелые канаты внутри. Прислушался, пытаюсь уловить знакомый стук.

– Проверим еще несколько и поворачиваем, – тихо сказал я. Уходить далеко от лифта не хотелось.

Дима лишь крепче сжал обрез и упрямо двинулся вперед. Что ж, иногда упрямство действительно вознаграждается.

Следующая комната казалась просторнее других, несмотря на стройные ряды стеллажей.

– Да тут на весь блок хватит... – Мы, затаив дыхание, осматривали полки, забитые блестящими консервами.

ГОСТ 5284-84/4

ГОСТ 9936-76/4

ГОСТ 2903-78/4...

Полдюжина ничего не говорящих нам обозначений и ни одной этикетки. Я с ужасом представил, сколько ходок нужно сделать, чтобы унести хотя бы половину.

– Предлагаю взять каждого вида по одной, а остальных набрать уже знакомого тушняка. – Дима гремел банками, набивая рюкзак. От предвкушения наши животы урчали в унисон.

Сложно описать чувство, переполнявшее нас в тот момент. Наверное, нечто оставленное в далеком детстве, за границей обыденной серости. Нечто настолько непривычное, из-за чего мы не сразу заметили лежащее буквально в паре метров тело.

– Сергей! – Дима увидел первым, толкнул меня.

Обглоданные кисти тонких рук, торчащие осколки ребер, разбросанные вокруг ошметки кожи со слипшимися от засохшей крови пучками волос... И разорванное серое платье.

От едва уловимого, чуть сладковатого смрада в голове разом потяжелело, а желудок скрутило судорогой. Я наклонился, но рвать было нечем, лишь мутные капли обожгли горло и нос, стекли по губам.

– Да как так-то? – Дима метался между стеллажами, срываясь на крик. – А? Да я же своими глазами... Мы с тобой вместе! Что за тварь могла сделать такое?

В сердцах он ударил полку кулаком, отчего жестянки с грохотом посыпались на пол. Не помню, чтобы видел брата настолько злым.

Когда удалось отдышаться, все прочие мысли вытеснила одна-единственная: *что* я притащил наверх, в квартиру напротив?

– Дима, бежим... – тихо сказал я, наблюдая за растекающимся на потолке пятном.

Брат не услышал, продолжал сыпать проклятиями и пинать ногами жестянки.

– Быстро!

Черная слизь проступала сквозь бетон. Никогда не слышал, чтобы эта дрянь могла так прятаться. Но сейчас она стекала со стен, заливала с потолка стеллажи, покрывая консервы толстым слоем.

Мы подхватили набитые мешки и одним порывом бросились к выходу, когда ближайшая к нам лужа вскипела. Я в последний момент успел прикрыть брата. Услышал, как брызги барабанят в спину, словно из лейки о душевую занавеску.

Нужно пообещать себе достать для Вовчика побольше курева за химхалат, который мы так удачно забыли вернуть.

Обратно брели молча, не оглядываясь на пропавшие запасы. Дима смотрел под ноги, из прокушенной губы по подбородку текла кровь. Крик нагнал нас из-за поворота.

– Дядя Сергей! – Славик бежал к нам, шлепая драными сандаличками. – Мы с вами хотим! За ним молча шла... Катя?

– Что вы здесь делаете?

– А я уже не боюсь, честно-честно! А Катька предложила поиграть. И мячик наш найти. Вы нам поможете? А вы нашли свои баночки? Можно мы с вами поищем? – Славик запинаясь, торопясь выговориться.

– Не приближайтесь, твари! Ни шагу! – Дима вскинул обрез, направляя на детей по очереди. – Что вы такое?

Мальчик замер на полуслове, оставив открытым рот. Катя... то, что приняло ее облик, смотрело спокойно. Ждало.

– Дима, – я осторожно сделал шаг к брату, – целься в девочку. Только в нее.

– Мы не можем знать наверняка. А вдруг они оба? Мы же не можем, Серег, да?

Ствол продолжал ходить неровной дугой.

– Дима... – Я хотел подобрать слова, выразить догадку, но осекся. В нос ударил запах сырого мяса.

Вряд ли остался хоть кто-нибудь, знающий, как пахнет настоящее мясо, но все почему-то сходились во мнении, что это именно оно. Невозможно предсказать следующий Самосбор, случится он завтра или через несколько месяцев. Известно лишь одно: это будет всегда не вовремя.

Прежде чем я успел договорить, свет над головой сменился огнями тревоги, а по ушам резанула сирена.

Девочка одним прыжком оказалась около Славы, толкнула его в спину, отчего мальчик сделал несколько шагов, нелепо размахивая руками в попытке удержать равновесие.

Грохот выстрела на секунду заглушил орущие динамики. К запаху мяса примешалась вонь пороха.

Смех, тот же самый, что и вчера. Я вырвал из рук остолбеневшего Димы обрез и успел выстрелить из второго ствола. Тварь рухнула у самых ног, подмяв оставленную на полу сумку с консервами.

Мы пятились, не в силах отвести взгляд от детских тел. Мальчик лежал без движения, девочка тряслась в конвульсиях. Она меняла форму, словно пластилиновая фигурка под детскими пальцами, платье втянулось в кожу, руки выросли в локтях... Я на ощупь перезарядил обрез, уронив несколько патронов, которые мы предусмотрительно поделили поровну.

– Надо бежать, – потянул Диму за руку. – Живее!

Датчики срабатывают заранее, у нас есть не больше трех минут с начала тревоги, чтобы убраться с этажа или спрятаться за рабочей гермодверью. А значит, нужно бежать быстро. Я привычно вскинул запястье и выругался, не обнаружив часов.

Тяжелая сумка оттягивала плечи, откуда-то под ноги прилетел резиновый мяч. Ботинки рвали плотную дымку багрового тумана, еще одного предвестника Самосбора.

Поворот.

Второй.

Теперь я видел их в углах и коридорах: вытянутые фигуры без одежды и лиц. Поверхность их белесых тел постоянно двигалась, словно стекая восковыми каплями, а тонкие жерди лап тянулись навстречу...

– *Надо бежать...*

– *Сергея!*

– *Мы не можем знать наверняка...*

– *Целься в девочку!*

Обрывки фраз, наши голоса отовсюду.

Дима вырвался вперед. Он бежал налегке – так и не забрал свой рюкзак. Возникшее перед ним существо быстро менялось: обозначились плечи, шея втянулась, пластилиновое тело приняло форму человеческого, восковая кожа отделилась и позеленела, превратившись в химхалат. Лишь руки остались прежней длины, прижав брата к стене.

Я подбежал ближе и заглянул в серые глаза... Вздернутый нос, светлые волосы, неаккуратно торчащая щетина... Я выстрелил в свое лицо сразу с двух стволов.

– Нормально? – с трудом выдавил сквозь одышку.

Дима кивнул. В том месте, где его схватила тварь, на мастерке выступила кровь.

За следующим поворотом показалась шахта. Сколько осталось? Самосбор может появиться в любую секунду, и тогда лучше бы нас сожрали монстры подвала.

Меня ударили в спину, и я покатился вперед кубарем, вскочил, не теряя скорости, за несколько рывков влетел в кабину. Правое колено и рука отозвались болью, но в плечах полегчало. За спиной грохотали консервы – видимо, когти распорили мешок. Обрез остался лежать в багровой мгле.

На четвертом я осмелился обернуться. Но никто не карабкался за нами из темноты, фонарик осветил лишь туман, тянувшийся из кабины через люк.

– Он словно поднимается... – пробормотал я, потирая саднящее запястье. – Как твои раны?

Дима сидел рядом и ерошил волосы побелевшими руками.

– Он был нормальный. А я стрелял в него, Сергей. Я убил ребенка! – Губы его дрожали, мокрые от слез. – Я не хотел так... я не...

– Знаю. – Я обнял брата, прижал к себе, сколько хватило сил. Хотелось выдавить всю боль из этого тела, забрать себе. – Он был таким же, слышишь? Такой же тварью. Ты никого не убивал.

Ложь, за которую мне никогда не будет стыдно. Дима вырвался из моей хватки.

– Зачем ты так говоришь? Нет, я видел, это был мальчик, Славка, понимаешь? Это был он!

– Дима. Брат...

Из шахты потянуло мясом. Над головой взревела сирена.

– Да твою ж мать!

Дима вскочил и бросился к лестнице. Прежде чем бежать за ним, я плюнул на распоротый вещмешок. Там ничего не осталось.

Самосбор может занять один этаж, а может расползтись на все пятьдесят. По одной из многочисленных догадок, так он преследует бегущих, хоть Вовчик и утверждает, что это бред. Но даже бывший ликвидатор не знает всей правды; здесь каждый верит в удобное.

– погоди. – Я окликнул брата на шестом. Отсюда сирена слышалась слабее. – Да не лети ты так!

– Я должен сказать им сам! – бросил он через плечо.

Пришлось высказать все, что думал в тот момент об этой затее, но догнать упряма мне удалось лишь у квартиры соседей напротив. Мы секунду пялились на узкую полоску света из приоткрытой двери. Здесь никто не оставляет гермы открытыми, тем более ночью.

Дима вошел первым.

Пропитанный кровью ковер я увидел уже из-за спины брата. Два тела с обглоданными лицами смотрели в потолок остекленевшими зрачками. Ноги сами погнали меня обратно в прихожую.

Я прислонился к стене и закрыл глаза. Так легче, когда ничего нет. Эмоции слились воедино, мягкие, словно пластилиновые твари, они меняли одну причудливую форму на другую. Я всмотрелся во тьму, пытаюсь различить хоть что-нибудь, но понял: осталась лишь усталость.

– Это я предложил спуститься. Дважды я. Если бы не... – донеслось из комнаты.

– А я притащил тварь сюда! – рявкнул я в ответ. – Не смей мазаться этим дерьмом в одиночку. Не мы их убили, Самосбор тебя подери!

До меня дошло, что сирена уже несколько минут как слышится гораздо ближе. Будто уже с пятого. В коридоре загорелся оранжевый свет, на долю секунды опередив мысль.

– Самосбор. Пошли отсюда. – Мне пришлось вернуться в комнату и буквально силой тащить брата за собой.

– Да-да, иду, пусти.

Он вытолкнул меня на самом пороге, щелкнул замками за моей спиной.

– Что ты творишь?

– Послушай, брат, я пока сам, ладно? – Его голос с трудом различался за дверью и воем сирены. – Мне нужно все обдумать. Одному. Так будет правильно. Иди домой.

– Да что ты мелешь? Мертвецам не нужны твои извинения, кусок ты кретина! Не поступай так со мной, сука, слышишь? Дима!

Я орал и колотил в стальную обшивку без толку. Слюна из охрипшего горла смешалась с кровью на сбитых ладонях.

– Что происходит? – Полина стояла сзади, на пороге нашей квартиры. – Где Дима?

– Все нормально, – просипел я. – Хорошо, да. Дима пока побудет у соседей.

Я подошел и мягко втолкнул женщину в прихожую. Закрыл за нами гермодверь.

– Все дома?

– Ира в ночную, Алина у подруги осталась. Подожди, но что с Димой? – Тетя безуспешно пыталась поймать мой взгляд. – Что он там делает? Куда вы опять лазили?

– Так надо, – отрезал я, делая вид, что проверяю затвор.

– Ты debil? – Из комнаты вышел Вовчик. – Вот скажи, малой, ты совсем debil – сюда это тащить?

Я дернулся, будто протез тельняшки прилетел мне под дых. Но бывший ликвидатор говорил про мой халат, заляпанный слизью.

– Живо отмываться!

Стальная клешня крепко схватила меня за шкуру, потянула за собой и бросила на дно ванной прежде, чем я успел сказать хоть слово. Когда только успел батарею поставить?

– Вова! Да подожди ты, дай нам поговорить!

– Отвали, старая, не до тебя!

– Сергей, скажи правду! Что произошло? Вы опять туда спускались? Зачем?

Полина осыпала вопросами, пока Вова поливал меня из душа. Ледяная вода текла в глаза и нос, бывший ликвидатор не церемонился.

– Раздевайся, – бросил он, когда напор ослаб, а трубы загудели, извещая о конце дневного лимита. – Полностью.

– Сергей! Ответь мне.

– Тебя хорошо слышно, Полина! – крикнул я, отплевавшись. – Обещаю, что все расскажу. Чуть позже, пожалуйста.

В следующую секунду Вова навис надо мной с мутной десятилитровой бутылкой.

– Нет!

– Да.

Я успел закрыть глаза прежде, чем тельняшка вылил на меня не меньше половины своего пойла. Одежду он засыпал хлоркой.

– Сука ты.

– Сиди не рыпайся. Столько добра на тебя перевел! Сейчас еще воды принесу.

От холода трясло так, что вот-вот, казалось, раскрошатся зубы. Голова кружилась от едкого запаха самогона. Я бы не удивился, если бы эта дрянь могла растворить арматуру. Вонь и холод хоть как-то позволяли отвлечься от картин, мелькающих перед глазами.

«Дядя Сергей, можно с вами?»

Дима был прав. Мы виноваты. Я виноват. И не отмыться ни водой, ни спиртом. Стоило только представить, куда такие мысли могут завести моего брата, оставшегося взаперти наедине с трупами, и сразу хотелось разбить себе голову о кафель.

Вова вернулся с наполненным тазиком.

– На, – протянул мне губку. – Вылазь и отмывайся. Придурок.

Даже отмытое от самогона тело продолжало невыносимо им вонять. Я едва успел завернуться в колючее полотенце, как из прихожей послышался стук.

– Пустите меня. Сергей, пусти! – Димин голос за дверью.

Я выскочил из ванной как раз вовремя, чтобы оттянуть Полину от двери.

– Что ты делаешь? – Тетя больно вцепилась ногтями мне в руку.

– Это не он.

– Пусти!

– Полина, послушай...

– Мама, мамочка! Пожалуйста. Открой дверь! – Оно кричало. – Мне очень плохо, мама!

– Да пусти же ты!

Кровь текла по моим рукам, смешиваясь со слезами. Полина брыкалась, кусалась и царапалась, как загнанный в угол ликвидатор. Я с трудом ее удерживал.

– Полина, послушай меня, послушай меня... – Мне удалось прижаться губами к ее уху.

– Убери руки! Сергей, пожалуйста, я должна...

– Брат, помоги!

– ...поверь мне, я прошу тебя поверить мне, Полина. Это не Дима! – Я тоже орал, не забываясь о ее барабанных перепонках.

Она извернулась и вlepила мне пощечину, отчего мир вокруг на мгновение утратил четкость.

– Там мой сын! – Впервые эти глаза смотрели на меня с такой яростью.

Я потерял пылающее лицо, в левом ухе звенел колокольчик.

– Нет, Полина. Если откроешь, мы все умрем.

– Кто тронет герму, руку сломаю. – Вова спокойно наблюдал за нашей потасовкой, прильнув к двери. В зубах торчала папироса. – Подумай башкой своей, старая. Там Само-сбор! Знаешь, что это значит, или кукуха потекла окончательно? Там невозможно выжить. Невоз-мо-жно! Не знаю, что за хрень сюда просится, но это точно не твой пацан.

– Будьте вы прокляты... все вы прокляты... – Полина слабела в моих руках, медленно оседая на пол.

Я воспользовался моментом, когда голос из коридора перестал нас звать, и отнес тетю в комнату. Она дрожала в моих объятиях, захлебываясь рыданиями. Возможно, нужно было все рассказать тогда. Возможно, найти слова и успокоить. Возможно. Но сил ни на что не осталось.

– Насколько хреново? – Вова ждал на кухне. Я сразу понял, о чем он.

– Очень хреново.

Тельняшка кивнул.

– Сбрасывай полотенце свое. Да не мнись ты, как девка, щупать не буду. Осмотреть тебя надо.

Я послушно поднял руки и покрутился на месте, пока Вова всматривался в покрасневшую кожу.

– А это что?

Черное, скользкое пятно на тыльной стороне кисти, чуть ниже костяшек. Въелась слизь.

– Да завтрашной смены дожить хочешь? – Вова посмотрел на меня и, оставшись без ответа, добавил. – А я хочу. Садись.

Он плеснул в стакан мутной жидкости из грязной бутылки, выпил, занюхивая смазкой с протеза. Подумал и налил мне.

– Не буду.

– Как знаешь, – крикнул он и закинул в себя вторую порцию. Достал кухонный нож и проверил «живым» пальцем острие.

– Сгодится.

Мне уже было все равно, пускай режет, рвет, кромсает, сдаст чекистам или пустит сюда Самосбор. Плевать.

– Будет больно, малой.

– Не больнее, чем ей. – Я кивнул в сторону комнаты, откуда еще доносились редкие всхлипы.

– Ага.

Вова снова закурил. Его протез сжал мое запястье крепче пассатижей.

– Ты полотенце-то закуси. Закуси, тебе говорю!

Кромка ножа коснулась кожи.

– Готов?

– М-м.

– Да я из вежливости спросил. Только постарайся не обоссаться.

И я честно старался.

***

Горечь дыма позволяет отвлечься от голода на какое-то время. Я жадно делаю вторую затяжку и устраиваюсь на подоконнике удобнее. За окном по-прежнему ничего нет. Вряд ли так было всегда, но теперь это не важно.

...Самосбор длился чуть больше девяти часов. Еще около часа потребовалось ликвидаторам, чтобы зачистить этажи от последствий. Как только нам разрешили выходить, я первым делом бросился в квартиру напротив. И никого там не нашел. Даже тела пропали.

Ликвидаторов удалось догнать лишь пятью этажами выше.

– Не путайся под ногами, гражданский! – бросил один, глядя круглыми стеклами противогоза.

Удар по печени оборвал дальнейшие расспросы. Могли и застрелить. Звонить тоже оказалось некуда. Где искать Диму, среди мертвых или живых, никто не знал.

Пока мы сидели взаперти, Полине удалось на какое-то время прийти в себя. Она даже извинилась и сделала вид, что поверила в мою историю. Конечно же, я все ей рассказал. Не стал уточнять лишь про Славика.

Но после того, как Дима пропал, в глаза тети вернулось подозрение. Она металась по комнате и заламывала руки, крутила дрожащими пальцами самокрутки и выпила все свои

настойки. Затем пошла по этажам, стучась к соседям и спрашивая, не видел ли кто-нибудь ее сына.

А через два дня Дима вернулся. Спокойный и сосредоточенный, в новой одежде и даже с новой стрижкой.

– И опять я угадал с тем, где тебя искать.

Он присел на подоконнике рядом. Мне хотелось двинуть брата в челюсть: за эту тень улыбки, за последние два дня. Я лишь продолжал смотреть в окно, принимая правила игры. Будто все хорошо.

– Ты к матери заходил? Она там с ума сходит.

Мой тон остался ровным, но рука едва заметно дрогнула, протягивая брату папиросу.

– Нет, но обязательно зайду попрощаться. Сначала хотел поговорить с тобой.

– Прощаться?

Дима достал из нагрудного кармана сложенные в несколько раз бумаги и протянул мне. Я бегло скользил по строчкам, не разбирая букв.

– Когда я сидел там один... ну почти один... У меня было время подумать. Ты все правильно тогда сказал, Серег. – Лицо Димки было спокойным, без единой морщинки. От его решимости тянуло холодком, и я поежился. – Мы не виноваты. Не мы убили этих людей. Да, я нажал на спуск, но Славика тоже убил не я. Это все твари. Твари, живущие внизу.

До меня наконец дошел смысл документов.

– Ликвидаторы? Дима, ты спятил.

– Я позвонил тому чекисту, Олегу. Сказал, что лазил один, про банки с тушенкой, про убитых тоже сказал.

– И он поверил?

– Да. По крайней мере в какую-то часть. У меня был выбор...

– Это не выбор. – Я покачал головой.

– Для меня – да! Я записался в добровольцы, Серег. У меня есть пара часов, чтобы попрощаться и собрать вещи.

– Что ты собираешься доказать? Какое оправдание ищешь для нас? – Я снова на него орал, а в ответ он лишь улыбался.

– Мне не нужно оправдание, брат. Мне нужна месть. Эти твари должны сдохнуть. Я хочу, чтобы они сдохли. Завтра туда спустится отряд ликвидаторов, и я напросился с ними. Боевое крещение, так это называется. Кстати, что с твоей рукой?

...На моей повязке только недавно перестали появляться новые пятна. Рана после Вовиной операции заживала плохо. Пришлось срезать полоску кожи шириной в два пальца, предотвратить распространение черной заразы.

Несмотря на признание Димы и добровольную сдачу, никто и не подумал разблокировать нам доступ к снабжению раньше обещанного. Как я и ожидал, поблажек не было, и большинству на этаже пришлось туго. Пара наших соседей решились попытать счастья на седьмом. Одного Сидорович застрелил на месте, второму попал в ногу. Две ночи кряду мы слушали вопли, пока его наконец не забрали. Из медблока он уже не вернулся.

Алина почти не появляется дома. Не знаю, то ли перебивается у подруг, то ли повадилась ночевать к ухажеру с работы. Вовчику удалось выменять вторую половину своей бутылки на биоконцентраты. На радостях он сварил еще, выжрал сам и в очередных разборках с Ирой сломал ей руку. Теперь у нас еще одна голодная обуза.

Полина превратилась в призрак. Она отказывается даже от тех крох еды, которые у нас есть, мало пьет и ни с кем не говорит. Я больше не слышу ее плача по ночам, лишь ровное дыхание, но почему-то знаю – она не спит. Из глаз ее пропали слезы, ушел и немой укор. Словно сама жизнь Полины потускнела вместе с цветом зрачков.

Я тушу последнюю папиросу о лежащую на подоконнике листовку с набора в добровольцы. Больше нечего курить, больше нет сил, чтобы подняться домой. Я трясу запястьем: рука никак не привыкнет к отсутствию часов.

Посчитать несложно.

Дима спустился в подвал с отрядом ликвидаторов восемь дней назад. Семь дней назад туда же ушел еще один отряд. Пять дней назад – третий. Никто не вернулся.

Минуту назад, когда я затушил последний бычок, в сорока метрах отсюда перестали гудеть шланги. Это значит, рабочие залили шахту достаточным количеством пенобетона. Теперь уже наверняка.

Я кричу и буду кричать, сколько хватит сил. А стекло трещит под моими ладонями.

Часть 2. Слуга народа

I

– Двести тридцать восьмой? – спросил Лев Николаевич, доставая из кармана зеркальце.
– Седьмой. – Митяй вдавил кнопку нужного этажа. – Тридцать восьмой залит пенобетоном.

Сошлись створки лифта, зашуршали тросы. Лев Николаевич крутил свое отражение, то вытягивая руку, то поднося зеркальце к самому лицу. С исцарапанной поверхности на него смотрел гладковыбритый, лысеющий господин в коричневом пиджаке и красном галстуке в золотую полоску. Он слегка расслабил узел на шее, поправил ворот белой рубашки.

Все же хорош! Как и подобает важному человеку «сверху».

– Славный этаж, шестнадцать квартир, – оскалился Митяй.

– Последний в этом блоке, – строго сказал Лев Николаевич. – И идем дальше.

– Ладно-ладно.

Лев вытер носовым платком блестящий нос. Подумать только – не первую смену замужем, как говорится, а тревожность возвращается каждый раз, стоит за спиной в полный рост, давит на плечи тяжелыми лапами.

На этаже их ждали. Несколько мужчин курили, прислонившись к стене рядом с аппаратом выдачи пайков. Две женщины в одинаковых серых платьях до колен что-то увлеченно обсуждали на лестнице. Смолкли, едва разъехались створки лифта.

Лев Николаевич сделал глубокий вдох, на мгновение прикрыв глаза, расправил плечи. Прошелся вразвалочку.

– Это все? – спросил он у жильцов.

Мужики замялись, не зная, куда девать глаза, давили окурки между пальцев. Самый смелый вышел вперед в расстегнутой гимнастерке.

– Так сейчас подтянутся. – Он протянул руку. – Эт самое... Рады приветствовать.

Лев Николаевич лениво пожал мозолистую ладонь. Митяй держался по правое плечо, сложив руки перед собой и поджав губы, всем видом демонстрировал серьезность.

Лев похлопал себя по карманам, натянул на лицо выражение удивленной досады.

– Надо же, курево в дороге кончилось. Не угостите, раз мы все равно ждем?

Гимнастерка закивал, протянул гостю папиросу из мятой пачки. С третьего раза зажег спичку, поднес огня.

Не успел Лев Николаевич докурить, как на площадке перед лифтом стало тесно. Набралось не меньше двадцати человек: усталые после смены работяги в заляпанных комбинезонах, парочка стариков, несколько подростков. Какая-то женщина даже пришла с ребенком на руках.

– Товарищи! – Лев достал из пиджака документ в красной обложке, поднял над головой. – Я здесь по поручению Партии. Мы, слуги народа, стремимся быть ближе к простым гражданам. И, как ваши слуги, мы готовы...

Его голос отражался от серых стен, разливался эхом по коридорам. Во время заготовленной речи Лев всматривался в лица собравшихся. Любопытство, немного удивления, совсем капля надежды... Всё на месте. И ничего лишнего.

– ... с трудовыми коллективами, с матерями, с пенсионерами, с нашей молодежью. Проложим путь к светлому будущему вместе, товарищи! – Лев Николаевич снова потряс «корочкой» для убедительности. – Теперь ваша очередь. Давайте, не стесняйтесь! Обещаю всех выслушать.

– Дед у меня храпит, – сказала старуха из толпы, близоруко щурясь.

– Опять ты, карга, мелешь, – одернул ее один из жильцов. – Помер дед твой...

– Так храпит же!

– Так и запишем, – сказал Лев Николаевич. – Бабке нового деда!

По лицам прошлись улыбки, расслабили невидимые узлы.

– Так это... – Самым смелым вновь оказался мужик в гимнастерке. – Герма в соседний блок никуда не годится. Уплотнитель в труху износился. И еще... темень что на этаже, что на лестницах, глаз выколи! А заявка на лампочки в Службе быта уже который квартал пролеживает.

Его соседи одобрительно закивали.

– Ты записывай, Дмитрий, записывай. – Лев Николаевич кивнул помощнику и оглянулся: по коридорам действительно ходить можно было разве что на ощупь.

Заскрипел карандаш, в толстом блокноте появилась новая запись.

– Дневные лимиты на воду опять порезали...

– На распределителях очереди...

– Кран течет, прокладок не достать...

– Ликвидаторы все потолки огнеметами закоптили, побелить бы...

– Хулиганы из соседнего блока кнопки лифта жгут...

– Талоны на производстве опять задержали...

Лев Николаевич внимательно слушал жильцов и кивал.

– Непорядок. – Он цокал языком, качал головой, разок даже ударил себя в грудь. – Разберемся. Решим. Возьму на личный контроль!

Митяй продолжал писать.

Лев Николаевич не сразу заметил женщину, что стояла отдельно от остальных, прислонившись к стене. Ей единственной нечего было сказать, или она ждала, пока выскажутся другие. Серая блузка, застегнутая под самое горло, каштановые волосы собраны в короткий хвост. И взгляд, под которым тесно в груди и хочется прокашляться.

Она узнала его? Как? Лев Николаевич промокнул лицо платком.

Невозможно. У них здесь не может быть знакомых, слишком далеко забрались.

– Давай дальше, – придвинулся Митяй, шепнул на ухо. – А то разошлись они что-то.

– Товарищи! Товарищи, прошу вашего внимания! – Лев Николаевич показал раскрытые ладони. – На повестке у нас еще один важный вопрос. А именно – поддельные талоны.

Жильцы удивленно переглядывались, прятали руки в карманах. В заднем ряду охнула женщина с ребенком.

– Да, да, товарищи, я понимаю и разделяю ваше беспокойство.оборот поддельных талонов жесточайше карается законом, и преступные элементы уже понесли заслуженное наказание... Но! Партия подделок, к нашему сожалению, уже пошла, что называется, по рукам. И могла попасть к добросовестным гражданам.

– Как же так-то... – простонал кто-то за спиной у гимнастерки.

– Напоминаю, что отоваривание поддельного талона заведомо приравнивается к соучастию.

Толпа ахнула и отпрянула.

– Тише, товарищи, – смягчился Лев Николаевич. – Мы здесь для того, чтобы разрешить недоразумение.

В этот момент Митяй достал тяжелое увеличительное стекло и продемонстрировал собравшимся.

– Проверка займет не много времени. Все поддельные талоны подлежат изъятию для вашей же безопасности.

Соседи топтались в недоумении, чесали головы, шепотом переспрашивали друг у друга.

– Это что получается? – спросил гимнастерка. – Талоны липовые, но работали-то мы на них по-настоящему. И голод, он тоже, этого... Настоящий!

Вокруг одобрительно загудели.

– Уверяю, все добровольно выданные подделки подлежат возмещению.

– Когда? – не унимался гимнастерка.

– В течение нескольких смен, – сказал Лев. И, видя нерешительность жильцов, добавил: – В двойном объеме!

– Это дело! – Небритое лицо гимнастерки посветлело. Он повернулся к своим. – Так ведь, братцы?

Соседи одобрительно закивали.

– Тащите нашему партийному товарищу свои бумаги. Давай, не стой, народ, шевелись!

Кто-то доставал талоны из карманов сразу, кому-то надо было вернуться за ними домой. На площадку вынесли пару стульев, и Митяй, сидя на одном, раскладывал талоны по стопкам на втором, предварительно проводя над бумагой увеличительным стеклом.

– Хороший, хороший, поддельный, хороший, поддельный, хороший, хороший... – бормотал он под нос, щурясь от папиросного дыма.

Женщина с хвостиком тоже протиснулась среди остальных, протянула худую пачку, мельком заглянув Льву Николаевичу в глаза, и от взгляда этого у него зачесалось все нутро. Спустя несколько секунд, получив половину талонов назад, она снова скрылась за спинами жильцов.

Лев глянул на стопки и наклонился к Митяю.

– Ну ты давай не борщи, крохобор, – шепнул на ухо.

Тот хмыкнул, бегло просмотрел последние бумажки и протянул их владельцам.

– Эти настоящие.

В ответ послышался вздох разочарования. Всем хотелось удвоить небогатый капитал.

Пока Митяй перепроверял в записях изъятые талоны, Лев Николаевич пересчитал вторую стопку, прежде чем сложить в карман. В основном биоконцентраты, парочка на курицу, один даже на новую обувь. Митяй знал, что отбирать.

Люди начинали расходиться. Наслушавшись обещаний, заручившись поддержкой, в предвкушении компенсации они благодарили гостей с улыбкой до ушей.

– Спасибо. – Лев Николаевич пожимал протянутые руки, вальяжно рассевшись на стуле. – Очень рад. Слава КПСГХ! Очень рад.

Сами гости никуда не торопились. Они знали: когда почти все разойдутся, всегда останутся те, кто...

– Так это... – шаркая домашними тапочками, к ним подошел гимнастерка. – Мы тут с мужиками покумекали... В общем, вот.

Он достал сверток из кармана и протянул Льву.

– Что это?

– Презент, получается. – Гимнастерка облизнул губы и смущенно улыбнулся. – На память. Только вы не подумайте, что это от меня одного. Это от всего этажа!

Лев Николаевич развернул тряпицу. Покрутил в руках складной ножик, попробовал ногтем лакированную рукоять. Хороший, с пилкой по металлу, кусачками и напильничком.

– Это у меня сына делал, – пояснил мужик. – Спецзаказ для Службы быта.

– А подарки из имущества казенного тоже входили в спецзаказ? – поинтересовался Лев грозным тоном.

Гимнастерка потоптался на месте, втянул голову в плечи.

– Так то из излишков, – покраснев, ответил он.

– Излишков? Бракованный, значит?

– Как можно! Вещь добротная! От сердца, стало быть, отрываю.

– Ладно-ладно. – Лев Николаевич снисходительно махнул рукой. – Забавная вещица.

Он спрятал нож небрежным жестом, а сам прикидывал в уме, какую цену назначит за подарок местным спекулянтам.

– Лев Николаевич сердечно благодарит за ваше внимание, – вмешался Митяй. – Но, по правде, мы устали с дороги, дух бы перевести...

И выжидательно уставился на гимнастерку. Тот дважды моргнул, переваривая услышанное, и улыбнулся.

– А, так это можно! Милости прошу в гости, проходите. – Он показал рукой на темный коридор. – Жена как раз пирог готовит. Синицын я, кстати. Валера.

– Вот и здорово! – Митяй похлопал гимнастерку по плечу и незаметно подмигнул товарищу.

Лев не обратил внимания. Женщина с хвостиком осталась стоять на площадке, провожая их взглядом.

II

Первым делом в квартире Сеницыных Лев Николаевич по-хозяйски направился в ванную. Снял пиджак с рубашкой, аккуратно повесил на крючок рядом с застиранным полотенцем. Долго намыливал шею огрызком хозяйственного. Умылся остатками воды из таза.

– Куда спешишь? – шепнул ему Митяй на выходе. – Завтра горячую дадут, так и отмоемся хорошенько.

В том, что Митяй никогда не упустит момент, Лев не сомневался.

– Бурого у нас не водится, но, как говорится, чем богаты, – оправдывалась хозяйка, невзрачная и полноватая, выставляя противень на стол.

Если к биоконцентрату добавить гашеной соды, то после часа в духовке он распухал, становился пористым и упругим. Вот только соду в Гигахруще попробуй найди.

– Горло бы смочить, – сказал Лев Николаевич, старательно делая вид, будто его рот не полон слюны от запаха пирога.

– Это мы мигом, – отозвался Валера и достал из-под стола трехлитровую банку, полную плесени и мутной коричневой жижи.

– Что ж вы, гостей чайным грибом встречать? – Митяй укоризненно постучал пальцем по столу. – Лев Николаевич другое имел в виду.

И щелкнул себя по шее.

– Так это, э-э... – Сеницын почесал седеющий висок, бросил вопросительный взгляд на жену.

– Ну! – поторопил Митяй.

– Понял, щас все будет, – решил хозяин и встал из-за стола. Через минуту вернулся на кухню с полной бутылкой.

– Другое дело, разливай!

Лев мысленно улыбнулся. Митяй чувствовал такие вещи острее, чем датчики – Самосбор. Выпили.

– Долго ехать? – спросил Сеницын, показав на потолок.

– До-олго, – отвечал Лев Николаевич, отрывая от пирога пальцами, с удовольствием запиная еще горячие мякиши в рот.

В биоконцентрат явно добавили соли и даже лимонной кислоты. «Неплохо живется на двести тридцать седьмом», – думалось Льву.

– Эх, хоть одним глазком глянуть бы, как там у вас, наверху, – мечтательно протянула хозяйка.

Гости не ответили. Им довелось побывать и на нижних этажах, они забирались и выше двухтысячных – везде находились те, кто считал, что «выше» значит лучше. Что еда там имеет вкус, а Самосбор не добирается.

– Сын с вами живет? – Лев решил перевести тему.

Валера помрачнел, выпил молча. Его жена встала, как бы невзначай отвернувшись к плите. Стала протирать и без того чистые железные блины.

– Мы со Львом Николаевичем официально приносим соболезнования, – сказал Митяй, не переставая жевать.

Сеницын сидел без движения, вперившись взглядом в стол. Тихо спросил:

– Вот скажите мне... Ликвидаторы тоже под вашим началом?

Митяй обдумывал ответ и собирался уже что-то ляпнуть, но Лев его опередил.

– Нет! – быстро сказал он. – Мы больше по хозяйственной части. По связям с общественностью. У ликвидационного Корпуса свое руководство.

И добавил, чтобы наверняка:

– Приказы отдаем не мы.

– Так и думал, – кивнул Синицын. – Вы с виду нормальные мужики.

После третьей он осмелел, больше не прятал глаза и не подбирал слов. Лев Николаевич смотрел на пустой граненый стакан, крепко зажатый в широкой ладони, на побелевшие костяшки и понимал, что продолжения разговора ему не хочется.

– Никто на этаже больше не скажет. Побоятся, – говорил Синицын, разливая по новой.

– Валера, ну не надо! – повернулась хозяйка, Лев заметил блеснувшие в покрасневших глазах слезы.

– Надо! – Валера ударил пятерней по столу. – И я скажу! А вы там передайте кому надо...

Кто отвечает.

Он уперся локтями в столешницу и посмотрел на гостей.

– Озверели черные эти. Вкрай. Своих и чужих не различают. Прикладом можно получить ни за что. Уводят – ни за что. Этаж в бетон... – Его голос лязгнул ржавым затвором и оборвался.

– Передадим кому надо, там разберутся, – отозвался Митяй, доедая последние крошки.

– Да?

– Да.

Лев скосился на лицо товарища и дорого бы отдал за такую невозмутимость. У него самого от разговоров о ликвидаторах потяжелело в желудке, будто пирог разбух там, как в духовке, и похолодели стопы в начищенных туфлях. От взгляда на самогон стало только хуже. Вспомнилась странная соседка, ее пристальный взгляд. А вдруг догадалась? Сидят они здесь, жрут, пьют, а по коридорам уже стучат сапоги, несутся черные противогазы карателей.

– Покемарить бы часок, хозяин, – сказал Митяй, допив из своего стакана и явно намереваясь продрыхнуть до следующей смены.

Синицына отправилась в комнату готовить места, Валера закурил. Лев вышел в прихожую, подозвал товарища. Сказал ему тихо:

– Давай уходить. Непокойно мне.

– Чего? Сам говоришь, последний этаж в блоке. Надо отлежаться...

– Не знаю... – Лев неловко подбирал слова. – Тревога душит.

– Ну так выпей еще и спать ложись, – зевнул Митяй. – Смотри, как хорошо принимают. Свое упускать нам не с руки.

Дмитрий Коробкин, некогда сосед Льва Николаевича, свое упускать действительно не привык. Даже передовиком производства с достойным, по мерам блока, окладом, он всегда искал «свое» на стороне. То шабашку возьмет, герму отремонтировать в тридорога, то поможет сомнительным личностям пронести бета-гальванику через КПП распределителя. Вообще, эти самые «личности» появлялись на пороге Митяя с пугающей регулярностью.

И когда ему в цеху поставили вторую смену, Коробкин взбеленился. Говорил, мол, руками каждый дурак может. А ему головой себя обеспечивать охота. Бригадир на руки Митяя молился, а вслух жаловался, что мало у него спецов, обороты производства растут и надо засучить рукава.

Мужики Митяя тоже не понимали: многие палец были готовы отдать за сверхурочные и усиленный паек, особенно кому рты голодные кормить, а этот, видишь ли, нос воротит. Впахивал Митяй за двоих, но обиду затаил.

Никто не знает, где он взял говно – с собой принес или на месте кучу навалил. Но одним утром ждала бригадира оказия на рабочем столе. Говорят, орал он так, что гул станков перекрыл. Выстроил всех и спрашивает, мол, что за падла нагадила. А Митяй ему и отвечает, слезы рукавом утирая: Самосбор это. Последствия. Зови, говорит, ликвидаторов.

Сверхурочные Митяю оставили, а вот отгулов и премий на цикл лишили. Более того, бригадир не упускал возможности поставить штрафника на самую черную работу: то полы в цеху заставит от масла отмывать, то на склад отправит, продукцию сортировать. Слесаря высшего разряда!

Плюнул Митяй однажды, не заступил на смену. А вскоре притащил Льву Николаевичу целую тележку с котлом и трубками медными.

«У меня нельзя, – бормотал сосед, собирая агрегат на полу кухни. – У меня старуха, если учует, вмиг заложит. И пиши пропало».

Поначалу Лев хотел выставить соседа за шкуру, ведь за нарушение сухого закона разговор с ликвидационным Корпусом короткий. Но любопытство... Любопытство на старости лет вытеснило осторожность.

Митяй таскал серую плесень и Самосбор разбери еще какую гадость. Где только брал? Вонючка действительно стояла жуткая, но продукт вышел отменным. Наконец и Лев Николаевич зажил под самую пенсию: выменял почти новую арматуру для сливного бачка, ел досыта и на куреве больше не экономил.

Пока однажды, взявшись варить без Митяя, не напортачил с охлаждением.

Пламя слизало брови с лица. Лев Николаевич не помнит, как выползал из задымленной квартиры. Пожар тушили всем этажом, но там все выгорело подчистую. Митяй что-то кричал Льву в ухо, звон после взрыва никак не хотел пропускать слова.

Первую мысль – задушить Митяя – Лев отбросил, пусть и с неохотой. Все же сам виноват. Следующая мысль вытеснила все эмоции.

Порча казенного имущества, самогонный аппарат, общественная опасность... На уши подняли бы весь этаж, и если Дмитрию Коробкину удалось бы даже откреститься от оборота запрещенного спирта, то вот об отсутствии трудовой узнали бы в любом случае. Тунеядцам та же дорога, что и самогонщикам.

Лев Николаевич сидел на задымленной лестнице и вытирал сажу с лица. Смотрел на побледневшего Митяя, который никогда не упускал своего и все потерял. Последняя мысль пришла к ним одновременно.

«Бежать».

...От воспоминаний Льва Николаевича отвлек звонок в дверь. Синицын пошел открывать.

– Хороша бражка. – Митяй покрутил стакан в руке. – Но мы лучше делали. Надо будет конфисковать...

Лев не ответил.

– Николаич, это к вам, – крикнул Валера из прихожей. – Юлька это, соседка наша. Говорит, дело есть.

Узел галстука будто стал туже. Лев почему-то сразу догадался, о ком речь.

– Часы приема окончены, – прочистив горло, сказал он. – Пускай изложит в письменном виде.

Еще несколько секунд до кухни долетал лишь приглушенный голос из коридора, но смысл слов различить было невозможно.

– Говорит, срочное дело. И вода у нее есть, если вам помыться охота.

– Иди, иди. – Митяй пнул Льва под столом и лукаво подмигнул. – Может, и спинку потрет.

Лев Николаевич медленно поднялся с табуретки. Дурное предчувствие кололо кожу, как грубый рабочий комбез на голое тело, отдавалось слабостью в ногах.

– Не упускай свое! – бросил Митяй ему вслед.

И рассмеялся.

III

Первое, на что Лев Николаевич обратил внимание в однушке Юлии, – две односпальные кровати.

– Одна живете? – зачем-то спросил он.

– С дочерью. Она у бабушки сейчас.

Женщина крутила пуговицу блузки, вот-вот норовя оторвать, и дышала так, будто несколько лестничных пролетов бежала от Самосбора.

Второе, на что Лев Николаевич обратил внимание, – небрежно сваленные в углу консервы с красными наклейками. О буром биоконцентрате он не мог мечтать ни будучи обычным работягой, ни даже продавая самогон; и сейчас его разрывали внутренние голоса: один буквально кричал, что все неспроста, что не может в обычной квартире Гигахруща просто так валяться все это сокровище... Другой шептал голосом Митяя.

– Так что вы, собственно... – осторожно начал Лев Николаевич.

– Все не знала, как к вам подступиться. Остаться наедине. Вы ведь сможете мне помочь? – спросила Юля, не поднимая взгляда. Пуговица осталась в беспокойной руке.

Сейчас Лев видел, что женщина старше, чем ему показалось вначале: морщинки отчетливой выделялись на бледной коже. Но он все равно засмотрелся.

– В пределах компетенции...

Она сделала глубокий вдох и замерла на миг, прикрыв веки. А потом заглянула в лицо Льва Николаевича, оказавшись вдруг совсем рядом.

– Я знаю, что вы сможете, – сказала, коснувшись его пиджака. – Поняла, как только вас увидела. По вашим глазам. У вас такие добрые глаза. Такие хорошие.

Лев не смог ничего ответить. Он чувствовал запах зубного порошка, теплое дыхание на своей шее.захотелось вытереть лицо, но никак не мог вспомнить, куда подевал свой платок.

– Такой хороший, вы такой хороший...

Лев не заметил, как они оказались на кровати. Юля навалилась сверху, обжигала поцелуями, расстегивая его рубашку.

– ...забрать мою девочку...

Не в силах пошевелиться, Лев почувствовал влагу на лице. Слизнул капельку с подбородка. Соленая... как слеза?

– ... на все готова...

Юля целовала в шею, а ее руки уже возились с ремнем его брюк. И все шептала: что-то про дочь, про ликвидаторов...

Лев сбросил с себя оцепенение, а заодно и женщину. Вскочил.

– Что вы... Гражданочка, что вы себе... – не в силах отдышаться, спрашивал он, поправляя штаны.

Юля вытерла рукавом покрасневшие глаза. Осталась сидеть на кровати, глядя на Льва снизу.

– Они хотят забрать мою дочь. Только вы можете помочь мне. – Она уже расстегивала блузку, вперившись в гостя взглядом. Добавила холодно и решительно: – Я сделаю все, что нужно. Или вначале хотите принять ванну?

Лев потянул галстук, расслабляя хватку узла. Заставил себя отвести глаза, не смотреть на вырез, такой близкий, такой...

– Кто хочет забрать? Зачем забрать? – Он и правда не понимал.

– Вы не знаете? – Ее руки замерли на последней пуговице.

– Нет, уверяю вас! – затряс головой Лев. – Извините, ничем не могу помочь, мне пора...

Она бросилась ему наперерез, закрыла собой дверной проем.

– Не важно! Они не смогут ее забрать, если вы прикажете. Они послушают человека с верхних этажей. Послушают ведь?

«Знать бы, кто эти – с верхних этажей...» – с грустью подумал Лев. А сам ответил:

– Боюсь, ничем не могу...

– Не пуцу! – рывкнула Юля, и по ее взгляду Лев понял: она готова броситься на него с тем же рвением, что и минуту назад. Только на этот раз вместо поцелуев рвать зубами и ногтями его лицо.

«Да она совсем сбрендилась, просто чокнутая...»

– Они пришли пару смен назад. Две женщины. Сказали, что получили какие-то результаты анализов из медблока. Что моя Маша особенная. Что с ними ей будет хорошо. Принесли вон... – Юля кивнула на консервы. – Сказали, будет больше. Просили подумать. Вчера приходил какой-то мужик, спрашивал о моем решении. Я послала его в зад, даже дверь не открыла. Потом соседи сказали, что сегодня встречаем важного человека сверху. Который решает вопросы.

Лев Николаевич наконец отыскал свой платок. Комкал во влажной руке, забыв, зачем достал.

– Вас послала мне судьба. Я отдам все, что скажете. Сделаю, как скажете. Вы должны мне помочь!

Она не просила, не заламывала рук, глаза ее высохли. Она чеканила каждое слово.

В дверь постучали.

«Митяй. Пусть это будет Митяй. Спасет меня от этой бабы».

– Никитина, открывайте!

Лев схватился за голову, заметался взглядом по комнате.

«Все, это конец. Это они».

Юля вцепилась в наличник и будто перестала дышать. Стук повторился.

– Гражданка Никитина! Ликвидационный Корпус. Открывайте, – не унимались за дверью.

Лев застонал и затих, услышав, как щелкает замок. Ликвидаторы не стучат трижды. Для ликвидаторов нет закрытых дверей.

Лев одним движением затянул и поправил галстук.

Вдох.

Выдох.

Если играть под дулом, то лучше собраться и сделать все правильно. Он заправил уголок рубашки в брюки. Юля спряталась за его спиной, когда в комнату вошли двое. Прошептала еле слышно:

– Помоги.

Черные противогазы, темно-зеленые кевларовые комбинезоны. Пистолеты в кобуре.

«Налегке, – подумалось Льву. – Значит, не штурмовой отряд. Хорошо».

– Спасибо за приглашение, Юля, – сказал он, не обернувшись. – Пора и честь знать.

И шагнул к выходу.

– Стоять. Кто такой? – спросил противогаз.

– Тот, кто уже уходит.

Лев не видел Юлиного лица, но мог почувствовать, как она прожигает взглядом пиджак на его спине.

– Документики.

Лев достал из внутреннего кармана «корочку», потряс в воздухе. Обложку нужного цвета он искал долго, за нее пришлось отдать две пары новых шнурков.

– Товарищи, вы задерживаете партийного работника! – Он вложил в голос все возмущение, какое только смог.

Ликвидатор вырвал у него документы.

– Килоблок ГДЫЩ...? Это вообще где?

Противогазы переглянулись.

– О-о... Там! – Лев многозначительно скосил глаза в потолок.

– Где?

– Ну, там... наверху.

Договорить ему не дали. Он согнулся пополам, не сразу понял, что его ударили, боль пришла мгновенно позже. Грубая рука схватила за шею и швырнула на ковер. Тяжелый сапог прижал запястье к полу, и крик сам вырвался из горла.

– Тихо лежи! – рявкнули сверху. – Потом с тобой решим.

Повернув голову, Лев увидел, как Юля бросается на второго ликвидатора с ножницами. Где только достала? И как легко, в одно движение, он перехватывает ее руку и заводит за спину, а ножницы летят под кровать.

– Гражданка Никитина, где ваша дочь? – спрашивает ликвидатор и выкручивает руку сильнее.

Юля кричит и кроет матом. Ее лицо зависло в каком-то метре от пола, хвостик бьет по щекам от каждого взмаха головы.

– Ваша дочь. Где она?

Женщина умолкла, захлебнулась воздухом, словно густым пенобетоном. Лев видел, как на пол течет ее слюна. Его свободная рука, сжимающая в кармане подаренный нож, одеревенела.

Их пустят в расход. Получат то, за чем пришли, и застрелят без колебаний. Лев только сейчас почувствовал остывающие слезы на щеках. Он умрет здесь, на ковре чужой квартиры чужого килоблока.

Ликвидатор спросил снова, и со стороны могло показаться, что он вот-вот вырвет руку несчастной. Вой, уже не крик, куда страшнее крика, куда страшнее любого звука, который способен издать человек, вернул Льва к реальности.

– Хватит! Пожалуйста, прекратите, – выдавил он и зашипел от боли, когда подошва сильнее впиалась в кожу.

Юля дернулась и непременно бы упала, не поддерживай ее ликвидатор.

– Я знаю, знаю где! – выпалил Лев. – Знаю, где девочка.

– Говори.

– Пообещайте, что отпустите... отпустите меня.

– Скоти-ина, – простонала Юля, затрепыхалась с новыми силами. – Убью-ю.

И снова взвыла от боли.

– Говори, – повторил ликвидатор.

– Мне нужны гарантии, – сказал Лев.

Он больше не может слышать это. Он должен уйти.

Ликвидатор над ним расстегнул кобуру.

– Говори.

– Да ничего... ничего он не знает. – Голос Юли взметнулся и ослаб. – Пристрелите вы его уже нахер.

– Забираем их, – сказал боец, державший женщину. – Весь этаж на уши поставят.

– Нет-нет-нет! – закричал Лев.

О ликвидаторах ходило много баек и слухов. Но вот о тех, кого они забирали и кто смог вернуться, – никогда.

– Я скажу, скажу... – Лев осекся, когда понял, что на его запястье больше ничего не давит.

Открыл глаза, чтобы увидеть, как Митяй держит ликвидатора за шею сзади. Дрель в руках Валеры. Услышать звук, с которым сверло толщиной в палец входит прямо в черный противогаз. Почувствовать горячую кровь на своем лице.

Наверное, попытайся Лев Николаевич впоследствии припомнить события следующих двадцати секунд, разложить по кадрам, как фотокарточки после проявки, у него бы и получилось. Но в тот момент все сжалось в единую точку, в одно деление на циферблате, и все, на что хватило Льва, – не оставаться на месте.

Второй ликвидатор успел выстрелить прежде, чем Юля повисла на его руке. Лев прополз разделявшие их пару шагов и вогнал нож в черный сапог. Над головой раздался крик, и боец завалился назад, увлекая женщину за собой. Она вцепилась в противогаз, стянула тугую резину с головы.

Бритоголовый парнишка, едва ли двадцати циклов от роду, орал и брыкался, но Лев крепко держал его за здоровую ногу, а на руки бойца уже навалился подоспевший Валера.

Юля ухватила за рукоять все еще торчащего в сапоге ножа, надавила.

– Зачем вам моя дочь? Куда вы ее забираете?

Лев видел стиснутые зубы ликвидатора. Тот дышал часто, будто пытаясь догнать биение сердца. Юля провернула нож.

– Зачем вам дети? Куда вы их забираете?

Она все спрашивала и спрашивала, не выпуская липкой рукояти. Ликвидатор дергался и бился головой о пол.

– Пожалуйста, пожалуйста... – шептал Лев Николаевич. Трясся всем телом, все еще держа вторую ногу, глотал густую слюну с привкусом соленого железа. – Прошу, хватит.

– Говори, сука!

– Не даст... – По лицу ликвидатора прошла судорога. Он замер, будто прислушиваясь. – Оператор мне не даст.

– Что? Что такое оператор?

Парень дернулся сильнее обычного, стукнул затылком о пол, и его тело ослабло. Лев наконец смог разжать хватку. Он отполз к кровати, не сводя взгляда с человека в комбинезоне.

Впилился зубами себе в ладонь – захотелось вновь почувствовать боль. Может, хоть тогда это все окажется не реальным. Может, тогда он проснется.

***

Никак не получалось утереться. Платок насквозь промок, но стоило коснуться бровей или волос, и на пальцах оставались яркие капли.

Под стук сердцебиения в ушах Лев Николаевич вновь обвел взглядом комнату.

Мелкие, как из распылителя, брызги крови налипли на обои, стекали по дверным откосам, пропитали ковер. Кровь текла из дыры в черном противогазе, окрасила сверло брошенной рядом дрели.

Кровь застыла на лице Митяя, окружила развороченную пулей голову ореолом вперемешку с мозгами, осколками черепа и скальпа.

Лев с трудом сглотнул подступивший к горлу горький ком. В затылке потяжелело, захотелось откинуться, прикрыть глаза, чтобы приостановить кружение стен.

– Дела-а, – Валера первым прервал тишину.

Бурое пятно расплылось на его гимнастерке. Папироса в зубах, с которой он просидел несколько минут, так и осталась не прикуреной. Юля замерла, обхватив руками ноги и уткнувшись лицом в колени. Лев видел, как дрожат ее сцепленные в замок пальцы.

Его самого колотило. Наверное, если бы не слабость, он бы уже бежал по коридорам и лестницам, мимо запертых герм, в заброшенные блоки, подальше от мертвого Митяя, прочь от убитых ликвидаторов... Они убили ликвидатора!

Бежал бы и кричал.

Но ноги не слушались.

– Пиздец, – подытожил Валера. Папироса прилипла к его нижней губе.

Юля вздернула голову, пошарила взглядом по полу вокруг себя. Схватила пистолет.

– Ты хотел им рассказать! – крикнула.

– Что... Я... – выдавил Лев Николаевич, вжимаясь спиной в жесткое изножье кровати.

Казалось, слова исчезают в черном провале дула прежде, чем успевают слететь с языка.

– Юль, ты чего? – осторожно спросил Валера, оставшись на месте.

– Он хотел... Хотел им сказать! Падла!

Ствол в ее руках ходил ходуном, но с такого расстояния сложно промахнуться. Лев с шумом втягивал воздух, чувствуя жжение в груди. Каждый следующий вдох требовал все больше сил.

– Кто ты такой? Они смотрели твои документы. Почему не признали?

– Я-а не...

– Почему?

– Да опусти ты волюну! – Валера повысил голос.

Лев Николаевич вдохнул глубже. Комната исчезла. Исчезли трупы, исчез сосед с дрелью.

Остался лишь Юлин голос и пистолет. Нужно что-то сказать, или пистолет выстрелит.

И тогда не останется ничего.

– Они мне не поверили, ты же видела! – Лев подбирал слова. – Не стали вникать, не хотели слушать. Даже не вчитывались!

– Юля, подумай, – вкрадчиво начал Валера. – Вспомни, как они мне не верили, как меня не слушали. Когда я в ногах у них ползал, когда молил... Так же было. Они же отбитые, Юля, им закон не писан. Мы все об этом знаем.

Она покачала головой.

– Я ему не верю.

– Подождите. – Лев Николаевич достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок. Развернул единственный документ, который еще хоть чего-то стоил. – Это пропуск... Видите штампы? Я могу провести вас. Через КПП, в другие килоблоки.

– На верхние этажи?

– Да, – ответил Лев, не задумываясь.

Несколько секунд Юля кусала губы.

– Да, – кивнула она, соглашаясь с собственной мыслью. – Да, хорошо. Пойдешь с нами.

И опустила пистолет. А спустя секунду сработали невидимые пружины, и Юля вскоčila, заметалась по квартире, не выпуская оружия из рук. Первым делом принесла из кухни кастрюлю с водой, поставила на пол перед Львом. Бросила мочалку.

– Отмывайся.

Пока он пытался замыть кровавые разводы на одежде, Юля открыла шкаф. Переоделась в чистое, не стесняясь мужчин. Раненый ликвидатор замычал, не открывая глаз, и от звука этого у Льва вновь перехватило дыхание. Но прежде, чем он успел хоть о чем-то подумать, над бойцом уже навис, широко расставив ноги, Синицын. Целился в лежащего из второго пистолета.

Лев отвернулся и зажмурился, ожидая выстрела.

– Эй, – позвал Валера, не оборачиваясь. – Николаич, это... Иди сюда.

Лев медленно поднялся, сделал шаг на негнущихся.

– Ну!

Еще шаг.

– Давай ты? – Валера протянул ему пистолет.

– Что?

– Не могу я, говорю. На пацана моего похож... Когда в противогазе – другое. Но так... не могу, слышишь? – Синицын поджал губы, скривился.

– Я не буду. – Лев так замотал головой, что хрустнули позвонки, укололо болью в шею.

– Они тебя послушались, руку подняли! Человека твоего убили!

Лев молчал. Юля не обращала на них внимания: складывала в сумку детские вещи из шкафа, наклонилась за биоконцентратом.

– Два цикла назад, двести тридцать восьмой этаж, – горячо зашептал Синицын, придвинувшись. – Сына у меня был рукастый, светлая голова. А красавец! Любка за ним с детства бегала. В ту ночь он остался у нее, этажом выше. Накрыл их Самосбор, дело привычное. Вот только ликвидаторы тянули с зачисткой. Говорят, кто-то не выдержал, открыл герму раньше положенного. Знаешь, как бывает, когда сирены не дают спать и кажется, что воздуха взаперти не хватает... В общем, кто-то слетел с катушек. Нарушил предписание. А черные... эти не захотели разбираться. Приговорили весь этаж.

Лев пятился. Хотелось, чтобы Валера замолчал, хотелось, чтобы выстрелил – в ликвидатора или в него, уже не важно. Только бы замолчал. Потому что Валерию Синицыну, жителю килоблока ГРЭМ-1408/2, казалось, что работающие именно на его этажах ликвидаторы слетели с катушек, забыли про долг и стали творить беспредел. А Лев Николаевич, прошедший с десяток килоблоков и сотни этажей, уже слышал подобные истории.

И слышал часто.

– Я им ботинки был готов целовать! Мать собиралась руки на себя наложить, если бы не она, то и я б... И тут курум мы с Митей твоим, смотрю: двое идут к вам. Налегке! Такое нечасто встретишь. А потом мы вас слышали. Вот я и решил того... подсобить. Теперь ты мне подсоби. Как человека прошу.

– Нет, – твердо ответил Лев.

– Седьмой, вызывает Первое Мая, что там у вас? – зашипела рация.

Валера наклонился, снял ее с груди ликвидатора, выключил и разбил об пол. Разлетелись по углам осколки черного пластика.

– Скоро будут здесь.

– Пойдем. – Юля хлопнула Льва по плечу, и тот вздрогнул. Повернулась к соседу. – Ты с нами?

Он цокнул языком.

– Останусь. Надо еще с этим закончить, может прибраться успею. А нет, так... Лучше самому ответить, чем целому этажу, так? – И криво улыбнулся.

Юля пожалала плечами. Синицын проводил их до прихожей, наматывая шнур на ручку дрели. Вилка все еще торчала в розетке у входной двери. Лев подумал, что, должно быть, они сильно кричали, раз ликвидаторы не заметили, как в квартиру зашел кто-то еще.

Позади, из комнаты, послышался слабый стон.

– Юль, если у тебя дитенка хотели забрать, могла хотя бы мне рассказать. Соседи ведь, – обиженно сказал Валера. – Мне-то уж точно могла.

Юля мотнула головой. Замерла, едва шагнув за порог.

– Чувствуете?

Пахло сырым мясом.

– Никогда бы не подумал, что скажу такое, но это к месту! – Валера тоже почувал, повеселел. – Квартира эта, как я понимаю, тебе теперь без надобности?

И, прочитав ответ на Юлином лице, он сел на одно колено, упер сверло в распахнутую дверь, рядом с замком. Сирена взвыла одновременно с дрелью, над головой зажглись аварийные лампы. Герма сдалась почти сразу.

– Самосбор сам все подчистит, – сказал Синицын, осматривая сквозное отверстие.

– Нам в другую сторону. – Юля одернула Льва, шагнувшего к ближайшему выходу из блока. – Там герма нерабочая, или ты уже забыл, что в блокнот записывали, партийный?

Несколько метров они прошли втроем.

– Ну ты этого, Николаич. – Валера перекрикивал сирену, открывая свою дверь. – Замолви словечко-то, как наверх доберетесь.

Лев неловко кивнул.

– Стоять, суки! – На пороге Юлиной квартиры замер выживший ликвидатор. Его бледное лицо блестело от испарины в свете мигающих ламп.

За Синицыным захлопнулась герма.

– Быстрее! – поторопила Юля.

Пока они бежали по коридору, Лев то и дело оборачивался.

– Стоять, я сказал! – долетало им вслед.

В квартире с неисправной гермой ликвидатор не смог бы укрыться, а потому он ковылял за ними, придерживаясь за стену и неловко волоча раненую ногу, оставляя за собой кровавый след. Слишком медленно.

Герма в соседний блок легко отошла от уплотнителя, скрипнули старые петли, и Лев снова посмотрел назад. Ликвидатор добрался до соседней квартиры, колотил в нее кулаками.

– Откройте, это приказ! Ликвидационный Корпус, слышите? Немедленно откройте! – Он захлебывался собственным криком, и голос его срывался, соскальзывал, как по мокрой плитке, тонул в нарастающем гуле.

Его ноги по щиколотку заволок багровый туман.

Прежде чем за ними закрылась дверь и Юля повернула ручку, вдавливая герму обратно в уплотнитель, Лев готов был поклясться, что его больше ничем не удивить.

Ведь сегодня он слышал, как плачет ликвидатор.

IV

«...Зацени, что надыбал». – Митяй поднимает чемодан на уровень глаз и воровато оглядывается.

Лев прислушивается к звукам на лестнице, мнет папиросу в пальцах. Нет, никого.

«Где... когда ты только успел?» – шепчет.

«На распределителе какой-то дядька зазевался в очереди. – Митяй подмигивает. – Да ты не бойсь, там такой тюфяк... Хоть и с виду солидный, конечно».

Они раскуривают последнюю на двоих.

В чемодане одежда, да такая, что в шкафу обычного работяги не найти: пиджак с галстуком, брюки с ремнем кожаным, белая рубашка, туфли совсем новые с виду. На худощавом, невысоком Митяе все смотрится как на вешалке, пальцы в рукавах скрываются. А вот Льву в самую пору. Он с удовольствием переодевается в чистое, пшикается найденным среди вещей тройным одеколоном. Хоть и грызет дурная мысль: как бы за обновления не пришлось заплатить.

Старуху они встречают случайно во время очередного обхода: работу получить таким образом несложно, всегда найдутся те, кому надо починить барахлящий телевизор или подкрутить капающий сифон, вот только лишние талоны есть далеко не у каждого.

«Какие люди, какие люди...» – шамкает беззубым ртом старуха, разглядывая пиджак Льва единственным глазом, но мужчина никак не может понять, за кого она его приняла.

Она приглашает их зайти, угощает биоконцентратом из запасов на черную смену. Смущенно достает спрятанный за линолеумом коробок с кофе.

«Вы бы, слуги народа, к народу-то почаще спускались», – говорит она и начинает жаловаться. На соседку свою, на детей ее, наркоманов, на пенсионный паек.

И тогда у Митяя рождается план.

«Нет. – Лев отказывается наотрез, прикрывается раскрытыми ладонями. – Если нас поймут...»

«Хочешь снова спать на лестницах, а? – огрызается Митяй. – Стрелять папиросы, дрожать над каждым тюбиком? Может, ты решил попытать счастья в заброшенных блоках?»

Лев думал, наворачивая круги около мусоропровода. Бабка со своей услужливостью никак не выходила из головы. У нее они впервые за много смен набили животы, выпались не на холодном бетоне. Нет ничего сложнее бродяжничества в Гигахруще.

«Ты только представь, сколько с этого можно поиметь! – уговаривал Митяй. – Пораскинь мозгами».

...Лев Николаевич вспоминал тот разговор, прислонившись к стенке лифта. Поднял ворот рубашки, сложил руки на груди, но на него все равно бросали косые взгляды. Кровь с одежды не отмылась, подсохла темными разводами.

Да, Митяй умел пораскинуть мозгами. Последний раз его мозги Лев Николаевич видел на плинтусе Юлиной квартиры.

– Как думаешь... – спросил он тихо, когда в кабине они остались втроем. – Зачем она им? Я раньше не слышал, чтобы детей...

– Да провались они в ГУЛАГ, – так же тихо ответила Юля, не глядя на него. – Теперь какая разница?

Одной рукой она сжимала ладошку дочери, другую не вынимала из кармана. В этих длинных юбках цвета рабочего класса такие глубокие карманы... Где очень удобно прятать пистолет.

Машу они забрали на двести сороковом. Юля несколько секунд прислушивалась к звукам этажа, оглядывая пустые коридоры, прежде чем подойти к нужной двери и нажать кнопку звонка.

Прощание с бабушкой заняло меньше минуты: пара слов дрожащим голосом, поцелуй в сухую щеку... И дальше молча, без лишних вопросов и ненужных объяснений.

«Хороший ребенок, – думалось Льву, пока он мельком оглядывал стриженную «под горшок» девочку. – Тихая. Может, и пронесет».

Что пронесет, а главное, куда, Лев сам не знал.

– Сколько нам подниматься? – спросила Юля, когда они сменили лифт.

– Долго.

– Сколько? – с нажимом повторила она.

«Я не знаю, не знаю, не знаю!» – металось в голове шариком от пинг-понга, стучало по стенкам черепной коробки.

Лев промолчал. Створки раскрылись, и в кабину вошли несколько работяг в затертых робах, пропитанных куревом и металлическим запахом фабрики.

– ... а он ему и говорит: «простите, это уже коммунизм или будет еще хуже»?

Мужики загоготали. Один из них, широкоплечий и рыжебородый, покосился на Льва, утирая слезы на раскрасневшемся от смеха лице.

– А вы чего не смеетесь? – спросил он. – Идеиные, что ль?

– Этот мы уже слышали, – быстро ответила Юля.

Лев заметил, как напряглось ее лицо, как медленно, едва различимо поползла рука из юбки. Бородач, не видя этого движения, пялился на галстук в пятнах.

– Давай, наш этаж, – хлопнули его по плечу.

Юля громко выдохнула, когда двери снова сошлись и лифт двинулся дальше.

Вот поэтому Митяй всегда говорил, что очень важно сначала разузнать про этажи. «Прощупать гермы» – так он это называл. Приходил к жильцам заранее, за смену, а то и за две, предупреждал, мол, скоро к вам человек «сверху» приедет важный, связи с пролетариатом налаживать, радуйтесь счастью. Если кто брови хмурил да на пол сплевывал – а пару раз Митяй даже с лестницы спускали, – на такой этаж соваться не стоило.

Красная обложка, костюм и уверенные речи отлично работали на гражданах, но главной находкой оказался мятый пропуск в кармане пиджака. Несколько строк печатного текста, размашистая подпись и три разноцветные печати позволяли без препятствий перемещаться между жилыми этажами килоблоков. Ликвидаторы на КПП бросали лишь короткий взгляд на бумажку, даже не вчитываясь, и пропускали пару скитальцев безо всяких вопросов. Большинство дорог Гигахруща были для них открыты.

Вот только сейчас, в окровавленной одежде, с женщиной и ребенком, подозрений было не избежать. Пусть Самосбор выиграл время, но на пропускных пунктах, скорее всего, усилили режим, поэтому Лев настоял на том, чтобы не соваться в другие килоблоки, а подниматься вверх. Но и там, через сотни этажей, однажды им встретится КПП. И тогда останется лишь уповать на то, что «проскочат», что доберутся туда раньше ориентировки на беглецов.

Они меняли лифты один за другим, иногда ехали в полупустых кабинах, иногда народу набивалось столько, что было не продохнуть под скрип натянутых тросов. Порой лифты замирали, не доезжая до нужного этажа, а сверху доносился рев сирены. Тогда обходили Самосбор через соседние блоки. Некоторые лифты приходилось ждать слишком долго, некоторые были закрыты на ремонт; и ноги наливались тяжестью от бесконечных лестничных пролетов.

На распределителях Льву не раз приходила мысль затеряться среди толпы и вечных очередей. Спрятаться, переждать, благо стопка полученных недавно талонов все еще лежала во внутреннем кармане пиджака. Переодеться, а потом попробовать через КПП, в другой килоблок, подальше отсюда. Одному.

Он не просил во все это себя втягивать и никому ничего не должен. Ни этой девочке, ни ее матери.

Вот только воспоминания о черноте дула, нацеленного в лицо, холодили пальцы.

«Она ведь будет стрелять, если побегу. Прямо в спину будет, – думалось. – С этой дуры станется».

На распределителях орала динамики.

«СЛУЖИТЬ И ЗАЩИЩАТЬ – ДОЛГ КАЖДОГО ЛИКВИДАТОРА! ДОЛГ ГРАЖДАНИНА – ПОСИЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ЛИКВИДАЦИОННОМУ КОРПУСУ...»

«ТОВАРИЩ! БУДЬ БДИТЕЛЕН! НЕ ВСТУПАЙ В СЕКТЫ И НЕ ДЕЛИ ОБЩЕСТВО НА КАСТЫ...»

«ЦИКЛИЧНЫЙ ПЛАН ПРОИЗВОДСТВА ИДЕТ С ОПЕРЕЖЕНИЕМ! СТРОИМ СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ УЖЕ СЕГОДНЯ...»

А мужчина в испачканном костюме и женщина с ребенком уже протискивались сквозь толпу к очередному лифту.

Дважды им встречались штурмовые отряды ликвидаторов: по восемь человек в химзащите поверх кевлара, с автоматами и ручными пулеметами, с граблями за спиной и огнеметами. Видимо, налегке ходили лишь разбираться с гражданскими: много ли сил надо забрать у матери маленькую девочку?

Каждый раз Юлия бледнела так, что лицо ее напоминало пасту биоконцентрата. Сильнее прижимала к себе дочь, не выпуская второй руки из кармана. Говорят, в далеких килоблоках есть те, кто помнит молитвы, помнит, как просить заступничества у высших сил. Когда Лев видел черные противогазы, ему хотелось бы знать одну из таких молитв.

Но бойцы лишь пробежали мимо, торопясь на очередную зачистку.

...Лев думал. С плаката на него смотрел улыбающийся работяга в каске, демонстрируя левую руку без четырех пальцев. Правая сжимала гаечный ключ. Краска еще не успела выцвести, скорее всего плакат в кабину повесили совсем недавно, но кто-то уже успел оторвать нижний уголок.

«ДЕРЖИ КЛЮЧ НА 20, ТОВАРИЩ!» – гласила надпись сверху. Внизу: «У МЕНЯ НЕТ ПАЛЬЦЕВ, НО ЕСТЬ ТРУДОВАЯ СОВЕСТЬ! ТУНЕЯДСТВУ БОЙ!»

Думалось Льву Николаевичу тяжело, со скрипом. Совсем мозги высохли. Не знал он, как Юле правду сказать и что она с этой правдой делать будет. Прогонит, в лицо плюнув, или застрелит на месте? Все равно ведь узнает, не на пятисотом, так на шестисотом, не на шестисотом, так выше. Никто точно не скажет, как высоко тянется Гигахрущ, но рано или поздно все равно во что-нибудь упруешься: в залитые пенобетоном этажи или в заваренные гермы, в КПП с автоматчиками или в закрытые объекты. Но даже поднимайся они целую вечность, забыв про сон и еду, даже тогда, Лев был уверен, не добрались бы они до заветных «верхов».

Потому как не верил он, что где-то – иначе. Несмотря на одежду из чемодана и штампы в пропуске.

А потом Лев Николаевич понял, что устал думать. Устал считать этажи и ступени. Оглядываться тоже устал.

– Выше? – спросила Юлия.

– Выше, – отрешенно ответил он.

***

Разболелась спина. Выше семисотого работающих лифтов не оказалось, пришлось подниматься пешком.

Семьсот пятый.

Маша устала идти, и Лев нес ее на руках. Сам предложил, когда она сказала ровным голосом:

– Мне нужно пять минуточек. Ноги болят. Или вы можете меня немного понести, если мы торопимся.

Не пожаловалась, не заканючила. Поставила в известность и предложила вариант. Лев поймал спокойный взгляд голубых глаз, и девочка улыбнулась.

Теперь он прижимал к себе хрупкое, такое невесомое первые пять этажей, тело и думал: «Может, и впрямь она какая-то особенная?»

Семьсот десятый.

Этажи казались заброшенными. Свет горел только на площадках перед лифтом, пахло известью и строительной пылью.

Семьсот пятнадцатый.

Кажется, Маша уснула. Юля больше не донимала расспросами: то ли ей надоело, что Лев постоянно уходит от ответа, то ли подъем отнял последние силы.

Семьсот двадцатый.

Их остановили не дула автоматов и не запертые гермы. Простая железная решетка с навесным замком.

– Можешь открыть? – спросила Юля.

Лев покачал головой.

– Ты ведь не знаешь, куда мы идем, да? Ты с самого начала водил нас за нос.

Она все еще тяжело дышала. Ее хвостик растрепался, волосы налипли на лоб. Лев не видел, как бледные пальцы прячутся в кармане юбки, он смотрел во тьму коридора, не в силах выдавить звука, туда, где на уровне пояса тускло горел огонек.

Огонек взметнулся вверх и на миг стал ярче, осветив губы и крючковатый нос. А затем на свет площадки вышел мужчина. Кожаная куртка казалась великоватой на костлявых плечах.

– И куда может завести человек в костюме торгаша? На верхние этажи? – Тонкие губы сложились в улыбку.

– Ни шагу. – Юля вскинула пистолет.

Лев отступил к стене, все еще держа на руках спящую девочку. «Ликвидатор? – искрилось в голове. – Чекист?» Последних мало кто видел, еще меньше тех, кто мог что-то о них рассказать. Большинство в Чрезвычайный Комитет попросту не верило.

– Давайте только без сцен. – Мужчина бросил бычок под ноги, раздавил сапогом. – Олег Сергеевич Главко, к вашим услугам.

– Мне плевать, кто ты. – Тихий голос Юли дрожал. – Мы уходим.

– Отчего же? Думаю, вы достаточно находились, – так же тихо ответил чекист.

Из второго коридора вышел ликвидатор, держа автомат дулом в пол. Пока что. Боец наклонил голову, будто прислушиваясь к невидимому собеседнику, совсем как тот, с ножом в ноге, и кивнул на Льва.

– Этот был в квартире. Помогал.

Лев вжался спиной в холодный бетон. Маша мигом словно потяжелела раза в два.

«Откуда они знают? Неужели раненый выжил... Невозможно!»

– Ну и шороху вы навели, Лев Николаевич, – сказал Главко. – Мои коллеги ищут вас в десяти килоблоках! Вы же не думали, что обманутые не найдут, куда пожаловаться? А теперь вы решили, что можете гадить на моих этажах. Пятьсот четырнадцатый, четыреста девятнадцатый, триста двенадцатый... Сегодня вот на двухсотых.

Лев выругался про себя. Говорил он Митяю, надо чаще менять килоблоки!

– Разоделись коммивояжером и... Да, да, не удивляйтесь. Обмен ресурсами между килоблоками – процесс сложный, всегда нужны те, кто умеет договариваться. Чемоданчик такого человека ваш друг и умыкнул. Уж не знаю, чутье вам подсказало, что вас будут ждать на

КПП, или здравый смысл, но вот мы здесь – в наивысшей точке, куда вы смогли бы добраться самостоятельно.

«Как они тут так быстро?»

Лев только сейчас увидел его глаза, серые, холодные, как бетон. Понял, что совсем не вид двухметрового ликвидатора с автоматом заставляет колени подгибаться, а этот улыбающийся безоружный мужичок в куртке не по размеру. Глаза его не улыбались, их взгляд застыл, и под ним Лев Николаевич чувствовал, словно кожа покрывается ледяной коркой.

– Мы уходим, – повторила Юля. – Делайте с ним что хотите, а дочь я забираю.

– Юлия, буду откровенным, девочка нам очень важна. – Чекист развел руками. – Настолько, что мы сначала решили договориться. И готовы попробовать вновь. Настолько, что я лично взял вопрос под контроль.

Улыбка оставалась на его лице, но голос потяжелел. Юля этого не замечала; продолжая целиться в Главко, она сказала Льву:

– Отдай ее.

Тот сделал шаг вбок, шаркая спиной по стене, прижал сильнее девочку. Он не может ее отпустить, не сейчас. Поставить ребенка на пол – значит получить пулю в тот же миг от ее матери или от ликвидатора. Она – его единственная защита.

– Юлия, поверьте, ликвидаторы никогда не причинили бы ей вреда. Только не ей.

– Отдай, слышишь? – зашипела она. Пистолет дрожал на вытянутых руках.

Ликвидатор ждал молча, Лев не двигался с места. Он закрывался Машей ото всех. Она его защита, его герма.

– Видите ли, сегодняшний инцидент в вашей квартире не может остаться без внимания. Были убиты сотрудники ликвидационного Корпуса. Девочка может пойти с нами, и мы вместе подумаем, как нам разрешить ситуацию. Или... Там еще Самосбор? – Чекист повернулся к ликвидатору.

Тот снова прислушался и кивнул.

– Или мы не найдем сейчас общий язык, и мне придется отправить туда не ликвидаторов на зачистку, а Службу быта. Забетонировать там все. Готовы разделить ответственность с целым этажом?

Лев стиснул зубы. Понял: хоть Главко и смотрит на Юлю, говорит он с ним.

– Отдай, – повторила она. – Отдай ее, отдай ее мне!

«Ей плевать. На соседей, на Валеру. На меня».

– Лев... пожалуйста.

«Вот только это не важно, уже нет. Это все выступление, игра, как запись с Мессингом, что крутят по ящику. Все решено за нас».

Она прочла в его глазах.

– Я тебя ненавижу. – Юля говорила тихо, и слезы текли по ее щекам. Рука с пистолетом бессильно повисла. – Как же я тебя ненавижу. Ты... ты...

Главко сделал первый шаг, осторожно, будто боясь вляпаться в свежую краску.

– Вот и правильно, милая, – сказал он мягко. – Ни к чему нам...

– Ей не причинят зла?

– Обещаю. – Чекист подошел на расстояние вытянутой руки.

– Даже если ты сдохнешь? – Пистолет уткнулся ему в щеку.

– Даже тогда, – спокойно ответил Главко.

Ей не стоило смотреть ему в глаза. Не стоило заглядывать в застывшую ледяную бездну. Секундной заминки чекисту хватило, чтобы плавным поворотом корпуса уклониться от ствола, одновременно выбрасывая руки вперед столь резко, что Лев не успел различить движения. Не сразу понял, что произошло. Лишь услышал короткий хруст, и вот уже Главко мягко опускает Юлю на пол, а ее шея вывернута под неестественным углом.

– Мама? – Сонная Маша принялась протирать ладошкой заспанные глаза.

Лев прижал ее сильнее, повернул так, чтобы она не могла видеть. Еще один ликвидатор вышел из коридора и уже оттаскивал тело обратно во тьму, подхватив под мышки. Сколько еще бойцов скрывается за углом?

– Смотрите, кто проснулся! – подошел Главко, потрепал девочку по голове. Достал бумажку из нагрудного кармана, развернул. – Леденец хочешь?

Маша задумалась.

– А вы друг?

– Конечно!

– Тогда давайте.

Чекист говорил что-то еще: про безопасность, приключения, про дядю-ликвидатора... Про маму, которая сейчас отошла, но обязательно вернется. Лев глубоко дышал и пытался расслышать хоть что-нибудь за шумом в ушах.

– А теперь дядя-ликвидатор покажет тебе новый дом. – Главко требовательно глянул на Льва.

Тот опустил девочку, не чувствуя затекших плеч. Проводил взглядом двухметрового бойца, который повел Машу за руку обратно к лестнице.

– Покурим? – Главко достал портсигар.

Папироса норовила выпасть из ослабевших пальцев. Кровь возвращалась в конечности, пульсируя, кожу покалывало.

– Что с ней будет? – Лев не узнал своего голоса. Словно заговорил впервые спустя вечность.

Главко молчал.

– Вы сделаете из нее оператора? Они управляют ликвидаторами? Как? Телепатия или...

Чекист замер после очередной затяжки. Скулы его заострились, в глазах впервые промелькнуло нечто кроме холода. Любопытство?

– На вашем месте, Лев Николаевич, я бы заботился сейчас о собственной судьбе. Вы раздали слишком много обещаний от имени тех, о ком ничего не знаете.

– Обещаний? – Лев поперхнулся дымом. Никотин ударил в голову, помножившись на усталость. Язык работал сам по себе. – Да все мы здесь живем обещаниями. Коммунизма, светлого будущего. У нас нет ничего, кроме обещаний. Все эти листовки, речи из динамиков на распределителях...

– Нет-нет-нет, – Главко покачал головой. – Я сейчас не о том, что вы не в силах их выполнить, пороча тем самым статус Партии. И даже не о том, что поддерживаете миф о верхних этажах, потакаете дезинформации о классовом неравенстве, нет! Вы гораздо хуже, Лев Николаевич. Вы хуже Самосборовой слизи, и я скажу вам почему.

Он ткнул Льва пальцем чуть ниже ключицы, и этого хватило, чтобы отшатнуться, скрипеть от боли. Лев инстинктивно глянул на место, где еще несколько минут назад лежал выпавший из Юлиной руки пистолет. И тут же стрельнула в затылке, прошла электрическим разрядом по позвонкам, оставляя привкус металла во рту, догадка: не помог бы ему ни пистолет, ни целый штурмовой отряд. Против худосочного чекиста – не помог бы.

– А потому, что, когда вы даете им эти самые обещания, вы смотрите им в глаза. Вы сидите с ними за одним столом, хлопаете по плечу, принимаете спичку из их рук, чтобы прикурить. Они слышат ваш голос, видят вас перед собой во плоти и вдруг понимают: все, что вас различает, – так это безвкусный галстук. И тогда в их головах рождаются дурные мысли. Опасные мысли.

Чекист затушил папиросу о стену, и Лев дернулся, будто горячий уголек коснулся его самого.

– Ведомый не должен оглядываться на ведущего. Должен видеть лишь указанный путь, обещанный свет в конце темного, страшного коридора. Но никогда не смотреть назад. Слышать голос, но не знать, кто говорит. Иначе те самые мысли берут верх. Близость власти вызывает сомнения в ее непогрешимости. А значит, можно сомневаться и в ее решениях, сунуть взятку, не подчиниться приказу, запугать. Можно просверлить голову ее представителю.

У Льва потемнело в глазах.

«Он знает, он все знает. Ему рассказали они, вездесущие операторы, их шепот громче раций, их глазам не помеха бетон...»

– Вот только нельзя! – Главко больше не улыбался, его голос резал воздух бритвенным лезвием. – Нельзя убить ликвидатора и остаться безнаказанным. Валерий Сеницын это скоро поймет, хочу, чтобы вы тоже поняли.

– Я не... я никого не убивал... Я не хотел! – Лев едва держался на ногах. Слезы принесли на губы соль.

– Содействовали, – холодно сказал чекист. Выждал несколько секунд, добавил мягче: – Тем не менее не могу не отдать должное вашей изобретательности. Посыл, как я уже выразился, хромает, но вот само исполнение...

Он дважды хлопнул в ладоши и придвинулся ближе.

– Люди охотно делились с вами информацией, своим, так скажем, недовольством. Им всегда есть чем делиться. А я привык знать все, что происходит на моих этажах. И хочу, чтобы так было и впредь. Вы можете мне в этом помочь.

Лев Николаевич неуклюже шарил по карманам, пока не понял, что забыл платок в квартире. Глаза щипало. Пропаганда? Доносы? Его не ставят к стене, а предлагают работу?

– Хорошая возможность возместить, так скажем, идеологический ущерб. Послужить Партии, а главное – Народу. Комнатку вам подыщем опять же. И с операторами, раз уж они вас так вас заинтересовали, познакомим. – Главко подмигнул. – Что скажете?

Лев Николаевич подумал о Юле. Вспомнил Митяя, от которого Самосбор оставит лишь липкую пульсирующую массу, если вообще что-то оставит. И о Сеницыне, которому жить осталось, только пока воют сирены на его этаже.

И кивнул.

V

Лев уже час не вынимал голову из мусоропровода, ведь там ИХ не так слышно.

Его подселили к старику на седьмом. Старика звали Сидором, он пах корвалолом и порохом. Он помогал Льву одеваться, следил, чтобы тот кушал и чистил зубы. Поначалу старик называл его Лёвой, а после и просто Лёликом. Прижилось.

– Ты теперь настоящий коммунист, – смеялся Сидор в усы и хлопал его по плечу.

Лёлик похудел и больше не узнавал себя в зеркале, пальцы слишком дрожали, чтобы побриться самостоятельно. Порой он забывал снять штаны прежде, чем помочиться. Старик ругался, отстирывая его белье.

После Телевизора часто болела голова. Лёлик не помнил, сколько он пролежал тогда на холодном полу, а по экрану перед самым лицом бегали картинки. Мозги будто варились в кипятке, но он не мог отвести взгляд.

А потом пришли ИХ голоса, засели в черепе. Девочек. ОНИ говорили ему, куда ехать сегодня, на какой распределитель подняться, в какую толпу протиснуться.

Иногда люди на этажах обижали Лёлика, смеялись. Иногда жалели и делились куревом. Но позже привыкли и вовсе перестали замечать. Кому нужен безумец с вечно слюнявым подбородком?

ОНИ смотрели его глазами.

Слушали его ушами.

Были везде, где и он.

Кого ОНИ искали? «Капиталистов, наверное, – думал Лёлик. – Или шпиёнов». Ему казалось, что когда-то одного шпиона он знал. Но стоило попытаться вспомнить, и начинала болеть голова.

Лёлик почти привык к НИМ, но иногда хотелось побыть наедине. В тишине. Тогда он спускался на четвертый и засовывал голову в мусоропровод. В последнее время ему чудилось, что он может различить других, будто голоса без слов, – издали, внизу, из той бездны, на которой стоит это место.

Иногда Лёлику кажется, что он умер.

Может, там, у Телевизора.

А может, еще раньше, по дороге в коммунизм. Умер и попал сюда. В ад.

Может, все коммунисты попадают в ад.

Часть 3. Оператор

I

Олег Сергеевич Главко вышел из квартиры на пятьсот пятьдесят шестом этаже в приподнятом настроении.

Партия строго осуждала содержание апартаментов, где уставший после работы или семейных забот порядочный гражданин мог получить утешение в объятиях не столь порядочных женщин всего за пару тюбиков биоконцентрата или брусок хозяйственного мыла. Торговок любовью отправляли на вредное производство, а застуканные в постыдный момент клиенты едва успевали натянуть штаны, как возвращались к женам с пометкой в личном деле и штрафом на талоны. Организаторы становились к стене. Работая в Чрезвычайном Комитете, Олег Сергеевич вычислил и закрыл все притоны своего килоблока.

Все, кроме одной квартиры на пятьсот пятьдесят шестом этаже.

Но не только послевкусие порочной любви грело чекиста под кожаной курткой. Он чувствовал, что потянул за верную ниточку, и хотел скорее узнать, куда она его приведет.

Чекист пружинистым шагом спустился на шесть этажей до распределителя. Но не пошел в основное помещение, где уже начинали выстраиваться первые очереди. Вместо этого он свернул за угол и проскользнул в неприметный ход, идти по которому можно было лишь боком. Остановился у широких створок и потянул расстегнутый ворот куртки так, чтобы значок на нем коснулся мигающего индикатора. Дождался короткого сигнала и вдавил кнопку вызова.

Лифты ликвидаторов позволяли перемещаться между распределителями без пересадок и задержек, останавливаясь лишь на этажах, кратных пятидесяти. Ниже пятидесятого Главко будет ехать уже на гражданском: в тесной зассанной кабине, где выцарапанное «Спаси и сохрани» под оплавленными кнопками – единственная защита от Самосбора.

Олег Сергеевич похлопал себя по карманам и с досадой поморщился – забыл зажигалку в борделе, но возвращаться не хотелось.

Когда в одном из блоков оборвался лифт с детьми, чекиста заинтересовало не то, каким чудом им удалось выжить при падении, и даже не то, как их удалось вытащить. Куда любопытней оказалось донесение из медблока: во время врачебного осмотра спасенный мальчишка без усталости тараторил о месте, куда они попали, и описание это не имело ничего общего с жилыми или производственными этажами.

Отправленный для проверки работник подтвердил: кабина действительно сорвалась и упала ориентировочно на глубину минус второго этажа. Интерес погнал Олега Сергеевича в архив Службы быта, к пыльным углам и ломкой пожелтевшей бумаге. Но чертежи блока лишь окончательно все запутали: глубина шахты такая-то, нижний этаж – минус первый. Ликвидаторы залили его пенобетоном два цикла назад, после очередного Самосбора.

О подвале Гигахруща немногие знали немногое. Сам Главко еще пару смен назад принимал это за байку рабочего класса. Считалось, что попасть туда можно далеко не через каждый блок, а все проходы держались в строжайшей тайне. По одним слухам, в катакомбы ГУЛАГа отправляли неугодных режиму на каторжные работы; по другим – в подвальных помещениях находился стратегический запас продовольствия из Внешнего мира.

Мысль о том, что мальчик мог рассказывать о секретном этаже, которого нет ни на одной схеме, подтолкнула Олега Сергеевича позвонить туда, куда чекист старался не набирать без крайней необходимости. Голос в трубке, протяжный и скрипучий, будто ржавые петли гермозатвора, заставлял сердце пропускать удары, отчего широкий лоб чекиста покрывался холодной испариной.

«Вопрос не в вашей компетенции. Ничего не предпринимайте до особых распоряжений», – ответили ему.

От ожиданий Главко начинала донимать изжога. Но еще больше чекиста донимала неизвестность. Циклами он выстраивал систему, подкупал, шантажировал и угрожал, чтобы ни одно событие на этажах не прошло мимо его глаз и ушей. На его столе чернилами нельзя было капнуть, чтобы не заляпать очередной листок с доносом.

Но стоило вопросу выйти за «пределы компетенции», и оставалось грызть карандаши, пока не придет решение «сверху». Сверху ли? Что находится выше семьсот двадцатого, где уже несколько циклов рабочие перестраивают этажи, ломают одни перекрытия и возводят другие, сужают в одном месте и расширяют в другом? Зачем? По чьему приказу?

Олег Сергеевич никогда не видел человека с ржавым голосом на другом конце провода. Не знал ни его имени, ни должности. Все отчеты, которые заполнял чекист, он оставлял в сейфе. К началу следующей смены их уже не было. Однажды ради интереса он сменил замок на двери кабинета. По возвращении обнаружил его нетронутым, но бумаги все равно пропали. Они исчезали всякий раз, стоило положить их в бронированный короб, даже если Главко дежурил в кабинете после отбоя не смыкая глаз и точно видел – за отчетами никто не приходил.

Чтобы не мучиться неведением, чекист сначала решил отправить отряд ликвидаторов вниз на разведку. Но рисковать людьми, которых и так вечно не хватает, попусту не хотелось. К тому же, возникни среди бойцов потери, с Главко бы спросили за слушание.

Еще можно было бы допросить парней, которые полезли вытаскивать детей. Конечно, Олег Сергеевич знал доморощенных героев – операторы, смотревшие глазами Льва Николаевича, докладывали исправно. Братья нарушили условия карантина, а это само по себе основание...

Но они пробыли внизу совсем недолго и занимались поиском детей. Успели ли они рассмотреть что-нибудь интересное? Как заставить их вернуться осознанно, без вербовки и угроз? Ответ пришел сам собой: создать нужду. Тогда они спустятся в поисках ценностей, найдут их или сгинут. В любом случае о подвале появится первая информация, а Главко никто не заподозрит в участии.

С семнадцатого пришлось спускаться пешком, Служба быта вряд ли когда-нибудь займется установкой новой кабины.

На шестом этаже Олег Сергеевич бросил взгляд на заваренный аппарат выдачи пайков и почувствовал, как дрогнули уголки губ. Чекист не ожидал, что ниточка потянется настолько быстро, но несколько часов назад ему позвонил один из братьев.

В нос ударил едкий запах гари и раствора дезинфекторов. По стенам расползлись черные, еще теплые змеи – следы огнеметов. Вдоль коридора выстроились вооруженные люди в противогазах.

– Мы закончили, – просипел один из них. – Команды на выход жильцам не давали. Сто сорок седьмую вскрыли.

Из-за Самосбора пришлось отложить личную встречу, а звонивший настаивал именно на ней. Но так даже лучше, сейчас никто не помешает разговору.

Главко подошел к приоткрытой гермодвери.

– Он там?

– Да.

В квартире зачем-то горели все лампочки разом. На полу комнаты лежало два тела, поблескивая белизной обглоданных черепов. Рядом сидел взъерошенный парень, уткнувшись лицом в руки.

Олег Сергеевич молча прошел на кухню. Открыл несколько ящиков, нашел коробок. Достал из портсигара самокрутку и чиркнул спичкой. Вернулся в комнату.

– Здравствуйте, Дмитрий. Я присяду, вы не против? – сказал он после очередной затяжки. – А вы рассказывайте, не стесняйтесь. Рассказывайте!

II

– Слышь, Хохол. А что за имя у тебя такое – Хохол?

Они расположились прямо на трубах одного из бесчисленных коридоров, подальше от хлюпающей слизи. Наконец можно было снять противогазы, размять окаменевшие от рюкзака плечи и вскрыть по баночке биоконцентрата.

– А я почему знаю? – Мужчина с пористой, словно незастывший пенобетон, кожей сделал глоток воды из фляги. – У меня так батьку кликали. Деда опять же. Вот ко мне и прицепилось.

– То есть у тебя нормальное имя есть? Это кликуха твоя? – не унимался лысый ликвидатор.

– Лёхой меня звать.

– Ха! Я-то думал, не могли же так ребенка назвать. Хо! Хол. Вслушайся! Хо. Хол. Будто кто-то шептуна пускает.

– Пошел ты в сраку, Лысый! – Лёха потянулся к штыку.

– Сказать че хочешь, дырявый?

– А ну заткнулись на хрен! – рывкнул Гаврила и расправил плечи, которые в ширине могли потягаться со шкафом «Купалинка». – И так не слышно ни черта, жрите молча!

Битый час здоровяк возился с наплечной рацией, но тонны бетона глушили сигнал.

– Центр, вызывает контрольная группа. Прием. Ответьте, центр. Прием.

Дима осмотрел своих спутников: семеро вооруженных громил молча шкрябали ложками о стенки консервов. Двое дежурили по концам коридора. Еще пару смен назад парень отдал бы многое за эти красные этикетки – бурый концентрат стоил дорого, имел вкус и почти никогда не появлялся на столе обычного работника. Но сейчас питательный деликатес не лез в горло.

И пускай остальные расправились с пайком куда охотней, порой они замирали, прислушиваясь, а руки сами опускались на цевье лежащих рядом автоматов или тянулись к кобуре. Выражение серых лиц не допускало двусмысленности: большинство предпочитало есть в тишине не от усталости и даже не в страхе перед Гаврилой. Сам лабиринт вытягивал из людей силы, подобно бетонным слизням, обсасывающим каменную крошку.

– Центр, прием. Наконец-то, мать вашу! Говорит контрольная группа. Мы продвинулись около восьми километров, может чуть дальше. Проход затрудняют последствия Самосбора и естественные заграждения. Был огневой контакт, потеряли одного бойца. Ценностей нет. Сейчас у личного состава время на отдых. Завтра попробуем двинуться дальше. Но, боюсь, связь уже не дотянет. Прием.

Гаврила выпалил доклад на одном дыхании и теперь вслушивался в ответ, вжимая наушники обеими руками.

– Принял. Конец связи.

Он со вздохом облегчения выключил рацию и подсел к остальным.

– Значит, после отдыха стараемся пройти столько же. Если ничего не находим, двигаем обратно. Нечего жопой зазря рисковать.

Мужики одобрительно закивали.

– Так и под Самосбор попасть можно. – Лысый отбросил пустую банку. – Мы так не договаривались.

– Заткнись, – цыкнул Гаврила и покосился на Диму.

– Молчу, Гавр, молчу. – Бритый ликвидатор поднял руки и смачно рыгнул. – Лучше затравлю анекдот...

Дима подумал, что восемь километров – это еще немало, учитывая, сколько они наматывали по извилистым коридорам. В задачи отряда не входила зачистка подвала от последствий

Самосбора, но зачастую путь преграждала слизь или застывшая биомасса. Приходилось пускать в ход грабли и огнеметы.

Из размышлений Диму вырвал Гаврила тычком в плечо.

– Держи, парень, заслужил. – Здоровяк протянул пистолет в кобуре.

Когда Диме из оружия выдали только грабли, он поначалу принял это за шутку. Остальные лишь скалились и говорили, что нет оружия полезней и ближе сердцу настоящего ликвидатора.

«На слизь наступать нельзя! – наставлял их Гаврила. – Пенится и брызжет – тогда сжигаем нафиг. Спокойную убираем граблями, иначе топлива не напасешься».

Всю дорогу Диме пришлось расчищать коридор за коридором. Слизь оказалась не такой жидкой, как на первый взгляд, и с должной сноровкой ее получалось раскидать по углам или сгрести в отдельную кучу.

– Ну ты выдал, конечно. – Хохол облизнул самокрутку. – Ну точно дикий.

– Ага, я бы ему грабли больше не давал! – усмехнулся еще кто-то.

Дима вновь услышал бой сердца о грудную клетку. Вспомнил когтистые лапы, скребущие прорезиненную ткань плаща, пока парень до боли в мышцах сжимал черенок. Грабли пригвоздили тварь к полу так же, как несколько смен назад подобное существо пригвоздило самого Диму.

Тогда его спас брат.

Раны на груди не успели зажить, но не эта боль заставляла сегодня избивать извивающееся тело. Зубья грабель рвали податливую, словно пластилиновую плоть и долго после, когда тварь перестала двигаться. Стекла противогаза «запотели» от кровавых брызг, но Дима продолжал, пока его наконец не оттащили от бесформенного месива.

– Рвение твое похвально, конечно. – Гаврила похлопал Диму по спине. – Но в следующий раз не переусердствуй. Пока ты добиваешь то, что и так дохлое, товарищам за твоей спиной, возможно, нужна помощь. Достань голову из жопы и не заставляй меня жалеть о стволе, хорошо?

Дима кивнул.

– Смотрите, у нашей девочки появляются яйца! – воскликнул Лысый, устраиваясь на трубе поудобнее. – Себя только не подстрели раньше...

– Кто бы говорил. – Гаврила зыркнул на дерзкого ликвидатора, и тот разом осекся, потупив глаза. – Я что просил делать, когда не знаешь, кто перед тобой стоит? Смотреть, что в руках! Мы об этом еще наверху поговорим, а сейчас прикуси свой поганый язык.

Дима подробно описал чекисту тварей из подвала, на что они способны. Поэтому, когда ликвидаторы встретили в одном из проходов напуганных детей, то не дрогнули.

– Нам страшно, заберите нас...

Оборотней залили свинцом. Твари полезли со всех сторон, пытались дотянуться до бойцов кривыми когтями на тощих лапах. Но слаженный огонь Ералашей не оставил и шанса.

Мутанты меняли цвет и объем. Их пластичные фигуры теперь походили на человеческие, появились зеленые плащи и черные противогазы. Оружие стало единственным различием между своими и чужими: кожа оборотней правдоподобно имитировала одежду и даже некоторые элементы снаряжения – ремни и фильтры, но воссоздать нечто технически сложное в руках у тварей не получалось.

И лишь Лысый не жалел патронов, новой очередью скосив троих ликвидаторов. Онемевшие руки одного из них продолжали сжимать автомат.

– Слухай, Дикий, а ты чего в службу решил податься? Жить устал? – спросил Хохол.

Дима не ответил. Он смотрел на мрачных людей, которые завтра будут стоять с ним плечом к плечу. Возможно, спасут ему жизнь. И думал, что с удовольствием променял бы десять вооруженных бойцов на вечно угрюмую физиономию брата.

– Молчишь. Невежливо как-то. – Хохол надул губы, будто взаправду обиделся. – Ну, молчи. Может, процедуры тебе окончательно мозги сожгли?

– Что за процедуры? – впервые разговор заинтересовал Диму.

– О! Не проглотил язык, значит? Так ты не знаешь, что ль? Как так?

– Это мой первый выход.

– А, ну понятненько. Слухай! – Хохол повеселел и пододвинулся ближе. Остальные ликвидаторы клевали носом, кто прислонившись к стене, кто подложив под голову рюкзак. – Лежишь ты такой в комнате без света. Промывочная называется. Вас там много лежит, прямо на полу, штабелями друг к дружке, тесненько так. И у каждого перед мордой экран. И картинки на экране. Когда там – вроде все слышишь, видишь и понимаешь. Но стоит выйти из комнаты – всё! Что смотрел, что слушал – тужься, а не вспомнишь.

– И зачем это?

– А это они тебе, браток, так мозги промывают. Лишнее чистят. Как насмотришься всякого после очередного Самосбора, так кукухой недолго поехать. Ну да сам понимаешь.

«А можно с вами?» – раздался в голове трелью детский голосок. Дима решил, что не отказался бы полежать в комнате с экранами прямо сейчас.

– А еще хрен от этого не стоит! – гоготнул Лысый.

– Ой дурак человек. – Хохол покачал головой. – А вот операторам потом с тобой проще связаться, это да.

– Что за операторы?

Добровольцам на приемной комиссии не давали никаких сведений о порядках ликвидационного Корпуса, а потому Дима чувствовал себя ребенком, клянчащим ответы у взрослых.

– Да кто ж его знает, – развел руками Хохол. – Их никто из нашего брата не видел. Они залазят тебе в голову, когда вздумается. Помогают, дают советы. Иногда командуют.

– К нам они тоже могут подключиться? – Дима обвел взглядом остальных.

– Так, хорош базарить! – Гаврила закончил со своим пайком и поднялся. – Снарягу все проверили? Хорошо. Дежури́м по трое, сменяемся каждые два часа. Сейчас отбой.

***

Дима пялился в потолок и размышлял, что мешает ему заснуть больше: тусклый свет ламп или протяжные стоны откуда-то из глубины коридоров.

– Слизь поет. Не к добру это, – прошептал один из ликвидаторов, ворочаясь.

– Заткнись и спи, – буркнул Гаврила, не открывая глаз.

Дима поежился. Он не ожидал, что среди бойцов, каждый день имеющих дело с последствиями Самосбора, найдутся суеверные. Звуки совсем не напоминали ему пение, скорее тяжелые всхлипы заплаканного ребенка. Они вгрызались в череп, выворачивали память, оживляя с таким усердием похороненные образы. Хотели, чтобы он смотрел.

На тощей груди мальчика растекается красное пятно, его руки нелепо расставлены, будто в падении, но призрак стоит неподвижно. Взрослые рядом, с их обглоданных лиц свисают ошметки почерневшей плоти.

Дима зажмурился до боли в глазах, но мертвецы никуда не исчезли. Стояли над ним и пялились белесыми зрачками.

Смотри!

Чтобы отвлечься, можно следить за пляской тени на потолке, а заодно гадать, что ее отбрасывает. Дима догадался, когда ему на грудь упала первая капля. Темное пятно над головой увеличивалось, словно проступая сквозь бетон, постоянно меняло форму. Парень видел

такое раньше, но ликвидаторы лишь пожали на это плечами. Никто не слышал, чтобы слизь умела прятаться в стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.